Алексей Николаевич Евстафьев

ТАРТАРАРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Николаевич Евстафьев
Тартарары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67779905
SelfPub; 2022

Аннотация

Главный герой соприкасается с трагическим происшествием, имевшим место четверть века назад. Компания из пятерых молодых людей и девушки отдыхала на даче, откуда девушка бесследно исчезла. Поиски остались безрезультатны. В наше время все участники происшествия числятся умершими и пребывают в своих отдельных точках-ловушках многочисленных миров Тартарары. История с пропажей девушки так или иначе повлияла на судьбу каждого из них. Главный герой, переходя из одного мира в другой, сталкивается со множеством фантастических существ и событий, борется с ведьмами и чертями, запутывается в сновидениях, посещает зоопарк-бестиарий, наполненный удивительными тварями. Лишь самый последний визит в Тартарары – возможно в самой глубокой и неприятной его точке-ловушке – приоткрывает перед героем завесу тайны исчезновения девушки. Кто виноват?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вверх-вниз 4
Вниз 30
Вверх 68
Вниз 93
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Алексей Евстафьев
Тартарары

Вверх-вниз

Любая безмозглая голова принадлежит не тому, кто носит её на своих плечах, а тому, кого можно назвать коллекционером дурацких историй. Он же и управляет этой головой исключительно нахально и в свою корыстную пользу. Не придавая значения ни возможному вселенскому конфузу, ни повышенной ярости от любителей благочестивых сентенций, даже презирая своих критиков и ворошителей гуманистических идеалов, он справедливо обвиняет большую часть человечества в лукавстве. Коллекционер настолько увлечён смешением реалий и универсалий, что остановить его может только звонок из поднебесной. Да и то не сразу.

У каждого должно быть такое воспоминание, когда за тобой кто-то гонится, а ты улепётываешь, сверкая пятками и ощущая, что вот-вот задохнёшься от перенапряжения, что чуть ли не конец всей жизни близок, и вот уже нет сил бежать, и ты резко тормозишь, выговаривая, что теперь-то вгрызёшься зубами в глотку врага, оборачиваешься… А позади тебя никого и нет!.. уже давно за тобой никто не гонится!..

Герой нашего повествования испытывал очередной приступ благодушия и не был склонен к мистическим философствованиям, а потому шествовал по ночной, лениво петляющей тропинке липовой аллеи самонадеянно, вызывающе игриво и примурлыкивая навязчивый мотивчик. Зацепившись ногой за непредвиденную корягу, он зачем-то попытался мастерски отпрыгнуть прочь, даже взлететь шустрым воробышком, но не сохранил равновесия и свалился кубарем в придорожные кусты, имеющие запах перебродившего можжевельника. Уже в кустах он продолжил дрыгать ногами, удостоверяя себя, что всё-таки не лишён дарования попрыгать, и крепко ударился головой об неожиданный деревянный ящик. «Это что ещё такое?» – трахнул он кулаком по ящику, туго обитому тканью, напоминающей бархат, и сообразил, что имеет дело с натуральным человеческим гробом, после чего на миг струхнул!!

– Кажется, я был несколько резок, когда этот ящик вдарил мне по зубам, а я пожелал здоровья его матушке. – произнёс Евпсихий Алексеевич, приподымаясь на корточки и осторожно ощупывая лицо, опасаясь подтёков в красоте. – Однако, уверен, что моё простое и временное затемнение добросердечности не напрашивалось на столь устрашающие последствия. Да и страшны ли они на самом-то деле?.. Чего только не примерещится в темноте.

Гроб совершенно не откликался на заботы своего нечаянного знакомца, не испускал скрежещущих дымков и таин-

ственных свечений, а намеревался продолжить мирное уединение. Терпеливо постучав по крышке и справившись «есть там кто живой?», Евпсихий Алексеевич попробовал приподнять находку, и это у него легко получилось. «Вероятней всего, что гроб пуст, и его бросили сюда злые шутники. – подумалось Евпсихию Алексеевичу. – Чем-то подобным и я в детстве баловался, и от родителей мне крепко доставалась за подобные шутки, а, значит, можно сказать со значительной толикой уверенности, что ничего неожиданного не произошло. Хотя, конечно, я поначалу крепко испугался, да и челюсть болит от удара.» Евпсихий Алексеевич не без труда сдвинул крышку гроба, разогнув пальцами гвоздик, замысловато согнутый крючком, и просунул в образовавшуюся щель руку. Случись такое дело при иных обстоятельствах, уж тем более где-нибудь на похоронах – где Евпсихий Алексеевич чувствовал себя достаточно неловко и даже грешил излишней застенчивостью – то действия Евпсихия Алексеевича и у самого Евпсихия Алексеевича вызвали бы нарекание, но сейчас им овладел пытливый кураж. Внутри гроб действительно оказался пуст, лукаво гладок и уютен, обладая притяжением сонного тепла.

– Собственно говоря, дело обстоит так. – недолго думая, решил Евпсихий Алексеевич, ещё раз приподняв гроб и убедившись в его доступной лёгкости. – Избыток положительных эмоций невольно притягивает к себе оппонентов, будь то торичеллиева пустота или бандитский кулак, размером с

экое-нибудь парадное антре, после встречи с которым начнёшь всю жизнь автобусам улыбаться. Тем и прекрасен мир, что непредсказуем, и непредсказуем даже в мелочах, а от выверенной скуки люди дохнут. Однако, я свою толику увечья безусловно получил, и в качестве компенсации за моральный ущерб, имею право утащить гроб с собой. Присвоить чужую вещь, полагая, что она ничейная.

Зачем Евпсихию Алексеевичу понадобился подозрительно-найденный гроб – этого Евпсихий Алексеевич не смог бы точно объяснить никаким образом, но он взвалил находку на плечо и воровской рысью отправился домой, благо бежать было недалеко. В тесноватой квартире ему пришлось погрустить о собственной бедности, и даже поругаться с самим собой на эту скользкую тему, и даже возникло желание выбросить гроб из окна, поскольку не находилось ему в доме местечка, но окно и навело Евпсихия Алексеевича на дельную мысль. Гроб сию же минуту расположился на длинном подоконнике, который до этого занимал в царственном единовластии взъерошенный кактус.

– Ничего, брат, постоишь на холодильнике, здесь тоже простор. – сказал Евпсихий Алексеевич кактусу, отношения с которым были достаточно дружеские, впрочем, и возражений от кактуса он не ожидал.

Несомненно, что гроб определился на место очень своеобразное, очень утилитарное, но зато смягчающее саму мрачную сущность предмета, что вызывало у наблюдателей

шутливую лёгкость и индифферентность. Приятели Евпсихия Алексеевича с оптимистичным равнодушием восприняли наличие гроба на подоконнике, не очень пытались и озоровать, примеряя на себя роли усопших, дабы постигнуть некоторую суть настроения пребывания в гробу и особую чувствительность тела. «Что за радость в уменье притворится мёртвым? – весело брюзжал хозяин. – Куда сложней притворится самоудовлетворённым живым.» На что приятели отвечали поддатой истиной про неизбежность смертного часа, и указывали на ночные заоконные пейзажи, щедро инкрустированные звёздами, уверяя, что ничто не вечно под луной. Собственно, и луна за окном не слишком гримасничала, когда притрагивалась к гробу осторожным подслеповатым светом; осторожным, словно шварканье селезня у гнёздышка возлюбленной. Вот только несколько барышень – эпизодически посещающих квартиру Евпсихия Алексеевича и умозрительно размышляющих на тему женитьбы – не воспринимали гроб как шутку, и уж тем более как абстрактно-психологический элемент декора, а высказывались выражениями невинно-грубыми. «Если только, Евпсихий, ты его плотно занавесишь, когда мы к тебе в гости приходить будем – тогда, пожалуй, пусть и гроб стоит на подоконнике, мало ли мы разных странностей у себя на работе повидали.» – предлагали девушки, на чём Евпсихий Алексеевич с ними и соглашался. Впрочем, самая занудная кандидатка в невесты, постановляющая для себя добиться свадьбы не мытьём так

катаньем, при обнаружении гроба вознамерилась опуститься до визгливых протестующих восклицаний, чего Евпсихий Алексеевич допустить не мог, и прогнал барышню вон.

– Ишьтыподишьты: невенчанная, а как изгаляется! – съехидничал Евпсихий Алексеевич.

Таким образом месяц шёл за месяцем, все странноватые обстоятельства находки сглаживались временем и бытовыми неурядицами, а тот факт, что беспредметная скука всё более и более западала в душу и нагнетала щемящую тоску, Евпсихий Алексеевич воспринимал, как нечто закономерно-возрастное. Кому из тех, кто перешёл за тридцатилетний рубеж, не знакомы унылая задумчивость, относительно миросозерцания, и тусклый сарказм, оценивающий явления туманные и циничные?.. Правда, у Евпсихия Алексеевича эта скука развивалась слишком остро, слишком болезненно, что ли, с трещинками бытовой маниакальности – когда при взгляде на кухонный нож, хочется кого-нибудь пырнуть этим ножом, не исключая и себя. Евпсихия Алексеевича принялись посещать раздумья о смысле бытия, причём раздумья весьма развёрнутые, составленные из многочисленных пунктов и подпунктиков, причём атеизм в этих раздумьях определённо главенствовал. Казалось, что закончилась не только одна из глав бесполезной скучной жизни, но и сам конец существования прорисовывался с фаталистической определённостью, не предлагая ничего цельного взамен.

– Что же такое – форма и содержание? – мучил Евпсихий

Алексеевич вопросами своих друзей и подруг, пока они вконец с ним не рассорились и не разбежались. – Что такое симулякр – с некоторой намеренностью определяющийся как homo sapiens, но впоследствии разрушающий всю индивидуальность, поскольку даже сильнейший выживает в стаде, а не в одиночку?.. А кто такие – перебежчики из стада в стадо, из бытия в бытиё, из – скажем наконец – реальности в реальность?.. Что такое – перерожденцы, если забыть, что они тоже люди и желают человеческого к себе отношения, и если попробовать насильно выкопать их звериную сущность?.. Слишком просто я жил – да и продолжаю жить до сегодняшнего дня – чтоб постигнуть все эти вещи, подвести нравственные итоги, слишком примитивно я скользил по поверхности, не видя ничего в глубину, даже на сантиметр от себя. Что мне теперь с собой делать – пока не понимаю, но полагаю, что мне надо что-то с собой делать, что-то радикально менять.

В один из таких душевных надрывов, Евпсихий Алексеевич и обратил внимание на подзабытую давнюю находку, прищёлкнул пальцами, осеняя себя внезапной идеей, решил поступить, словно пчёлка, взимающая дань с душистого цветочка. «Не было ничего случайного в тот раз, когда я рухнул в кусты. – решил Евпсихий Алексеевич. – Всё было закономерно и точно соответствовало той лукавой системе вещей, в которой я рабски прозябаю. Мною двигал фатум, способный преподнести непочатый материал для исследования де-

виантных состояний.» Затем Евпсихий Алексеевич стащил гроб с подоконника и установил на стол, дабы покорно возлечь в него, закрыться крышкой поплотней, и возлежа таким образом, на манер неподвижного чурбана или иной бессмысленной аллегорической фигуры, попробовать что-то понять в самом себе, раскрыть сакральные силы или их подобия, каким-то образом убедить себя в необходимости продолжать жить дальше с бравурной лёгкостью. Почему-то Евпсихий Алексеевич хотел для себя жизни лёгкой и непредприимчивой.

– Бывает и такое, что человек живёт себе и живёт при полном удовольствии, и на орехи ему практически не достаётся – так только, если по нелепой случайности. – вдруг услышал Евпсихий Алексеевич радушный и слегка доверчивый женский голос, который вполне мог принадлежать юной хорошенькой девушке.

– Что?? – вздрогнул Евпсихий Алексеевич.

– Я знаю, например, что вы по зубам получали, и неоднократно, да только это не убавило в вас лёгкости. – сообщил женский голос. – Безмятежное существование для вас – это что-то вроде физкультурно-оздоровительных экзерсисов; здесь вы похожи на любого человека, кого только не возьми для примера. Но ведь так не может продолжаться вечно. И вот однажды, когда ни что не предвещает беды, человек просыпается в собственной постели, окружённый столь невероятным количеством напастей, что в пору в пет-

лю лезть. Или ещё хуже, если он просыпается не в собственной постели, а в какой-то халупе на окраине города, и даже совсем не просыпается – бывает и такое.

Голос звучал в непосредственной близости от Евпсихия Алексеевича, могло показаться, что он находился непосредственно в самой голове Евпсихия Алексеевича, что могло быть вызвано грустными психическими отклонениями, если б не миллион самовзрывающихся и бешено снующих мыслей, овладевших нашим героем, когда он убедился в натуральности этого голоса.

– А, ну конечно. – произнёс Евпсихий Алексеевич. – Очередная невеста зашла в квартиру без спроса, увидела, как я в гроб укладываюсь, а теперь шалит. Нет, голубушка, со мной много не пошалишь, плохо ты меня знаешь.

– Извините, Евпсихий Алексеевич. – продолжил вещать девичий голос в слегка занудной и смиренной манере. – Я и в правду недостаточно хорошо вас знаю, а уж вы меня тем более не знаете, и наш разговор мне следовало бы начать со знакомства. Хочу вас сразу предупредить, чтоб вы не покидали пределы гроба, поскольку слышать меня возможно только находясь внутри. Слишком долго разъяснять такие банальные мистические императивы взрослым живым людям, но мертвецам здесь всё понятно. Как дважды два.

– Каким мертвецам? – насторожился Евпсихий Алексеевич.

– Да вот получилось так, что вы со мной разговариваете,

а я нынче такая, что мертвей некуда.

– Аааааа!! – завопил Евпсихий Алексеевич и, сшибая лбом крышку, вылетел из гроба, чтоб одним прыжком очутиться у двери, схватить табурет и приняться им помахивать, угрожая невидимому врагу. – Не может быть у меня в доме чертей, я в них не верю.

Как и было обещано – голос не звучал вне пределов гроба, и Евпсихий Алексеевич, привыкая к знакомой домашней тишине, быстро успокаивался, ворошил скудные волосёнки на голове и уверял себя, что маленько заснул, находясь в уютной гробовой атмосфере, а оттого ему и примерещилось не пойми чего. «Хотя, от приятелей своих тоже можно каверз ожидать – изобретательны они на редкость. – постукивая зубами, улыбнулся Евпсихий Алексеевич. – Да со мной такие шутки не пройдут, я и на непререкаемую суровость горазд.» Евпсихий Алексеевич воротился к гробу, решительно приподнял его и встряхнул, обстучал бесцеремонным кулаком со всех сторон, пошарил обеими ладонями по всем его уголкам, пытаясь найти хоть какую-нибудь щель или подленькое радиотехническое устройство миниатюрных размеров, разъясняющее явление голоса, но ничего не обнаружил. Тогда он опустил в гроб голову и прислушался. Первые секунды Евпсихий Алексеевич слышал только расточительный, непрожёванный шум в ушах, но затем разобрал и кривоватые слоги, призывающие его имя несколько печально и мучительно.

– Не может быть. – твёрдо решил Евпсихий Алексеевич,

проследовал на кухню, где залпом выпил стакан воды, а затем и ещё один стакан, а затем и съел представительный кусок колбасы. – А если всё-таки такое может быть, то я в это поверить не могу.

Евпсихий Алексеевич дожевал колбасу, вернулся к гробу и снова опустил туда голову, напрягая слуховое внимание как можно сильней.

– Залаззззь… залаззззь… ты всё узнаешшшшь… – грустно вещал голос из гроба, явно не желая потерять собеседника.

– Короче говоря, я поступлю так. – обратился Евпсихий Алексеевич к невидимой обладательнице загробного голоса. – Я вновь залезу в гроб и накроюсь крышкой, чтоб послушать, что будет дальше. Но заверяю клятвенно, что если хоть на чуточку… – Евпсихий Алексеевич изобразил пальцами весьма незначительную чуточку. – Если хоть столечко почувствую угрозу своей жизни, то немедленно изрублю этот чёртов ящик в щепки и сожгу где-нибудь на помойке. Можете в этом не сомневаться, дорогая девушка – или кто вы там такая!!

Евпсихий Алексеевич грозно кашлянул, немножко привёл себя в порядок – быстренько причесался и заправил в штаны рубашку – уверенно перекрестился слева-направо (но не помня в точности, по-православному он выполнил этот жест или по-католически – а католиком в эту минуту он точно быть не хотел – перекрестился и справа-налево), после

чего возлёг в гроб и закрылся крышкой.

– И что вы хотите мне сказать? – торжественно вопросил Евпсихий Алексеевич у голоса. – Здрасьте!!

– Добрый день, Евпсихий Алексеевич, я очень рада, что вы меня послушались. – незамедлительно ответил девичий голос, стараясь быть мягким и сиротливым. – Я сразу представлюсь, чтоб вам было удобней ко мне обращаться. Меня зовут (или звали – пока я была жива – уж как хотите, так это и понимайте) Анна Ильинична Зарницкая. Я умерла в возрасте восемнадцати неполных лет ровно четверть века тому назад, и померла при настолько загадочных обстоятельствах, что и тела моего не было найдено и захоронено, а неприкаянная душа моя не смогла с миром отойти в мир иной. Ей необходима справедливость. Даже не возмездие, а элементарная справедливость, близкая к Истине.

– Но если вас не захоронили, то откуда взялся этот странный гроб, из которого вы изволите вещать? – напрягся Евпсихий Алексеевич.

– О да, этот вопрос очень важен для продолжения нашей беседы, но тут мы сталкиваемся с областью излишних человеческих чувств, с родительской – можно сказать – коллизией.

– Коллизией?

– О да, можно сказать и так. Мои несчастные родители приобрели этот гроб, в качестве некоторой символики, позволяющей им горевать и лить слёзы, по примеру всех прочих

родителей, чьи дети рано умерли. Но все прочие родители совершают этот обряд на кладбище, на маленьких удобных скамеечках у могильных холмов. А моей могилки на кладбище быть не может, поскольку труп не найден, и даже смерть официально не признана. И вот, спустя некоторое время, родители обзавелись гробом, наделив его некоторой эманацией меня, благодаря чему и получили свою толику родительской утехи, а я получила возможность вещать и требовать справедливости.

– Ваши родители просто купили гроб, чтоб с его помощью фрустировать о вас почём зря?..

– Да, он также покоился на столе в моей комнатке, и постороннему взгляду не бросался в глаза.

– И ваши родители слышали ваш голос, имели радость общения с вами?

– Увы, нет. – вздохнула девушка. – Даже моей крайне любопытной маменьке не пришла мысль засунуть голову в гроб (на что внезапно решились вы, любезный Евпсихий Алексеевич), и я напрасно оттуда взывала, используя все возможности потусторонних сил. Но вот однажды пришло время и мои несчастные родители померли, а некоторое количество дальних родственников прибрали вещички из квартиры к своим рукам, предложив дяде Пете вынести гроб на помойку.

– Дяде Пете??

– Это очень дальний родственник из Армавира, он согласился вынести гроб на помойку в обмен на пару замечатель-

ных серебряных подносов, и получил эти подносы вместе с костюмом-тройкой, который мой папенька, кажется, так ни разу и не носил; но вы сами убедились, Евпсихий Алексеевич, что до помойки он гроба не донёс, а выбросил в кусты липовой аллеи.

Евпсихий Алексеевич в этом убедился.

– Я всегда недолюбливала гражданскую самобытность нашего человека, его бытовое сознание – если можно так выразиться… Это всё больше смердяковщина и деинтеллектуализация, я так считаю.

– Очень даже может быть. Однако, возможность вещать из самых недр потусторонних миров через гроб – это что-то с чем-то. Не помню, чтоб кому-нибудь из спиритов приходило в голову использовать гробы. Использовали некие вещички покойника, некие предметы гардероба, а то и локоны волос или кусочки ногтей… Но чтоб общаться с покойником через гроб самого покойника (пускай даже в достаточно символическом факте) – это попахивает трагифарсом.

Девушка вздохнула с тем лёгким, едва сдерживаемым стоном, после которого иные девушки принимаются безутешно плакать.

– Однако, оставим гробы в покое, а возьмёмся решительней за вас. Отчего вы умерли четверть века назад? Я могу догадываться, что причиной вашей смерти послужило убийство?.. – спросил Евпсихий Алексеевич, всё более проникаясь несчастиями девушки, и желая ей помочь по мере сил.

– Да, скорей всего меня убили, и лично я в этом не сомневаюсь, но официально считается, что я пропала без вести, поскольку тело не было найдено, а пять подозреваемых юношей ни в чём криминальном не признались, и уголовное дело закрыли.

– Простите. Насколько я понимаю мистическую сторону вопроса, душа не может не осознавать, каким образом она покинула мир. Если тело убивают – душа это уразумевает, даже запечатлевает по сути, и пускается в свой заветный путь по чёрному тоннелю, уводящему либо в Эдем, либо в Тартарары, в которые – признаться честно – я до сих пор не очень-то и верил.

– Но откуда вы можете всё это знать про душу и её заветные пути?

– Как откуда?

– Ну, откуда??

Евпсихий Алексеевич попробовал потереть кончик носа, что в обычных условиях ему помогало сосредоточиться на мысли, но возлежа в гробу, ему не удалось дотянуться рукой до носа.

– Я знаю, потому что кое-что читал по этому вопросу, а до кое-чего допёр и собственным умом.

– Но ведь нельзя же рассуждать о столь загадочных сферах без личного опыта?..

– Напротив!! Личный опыт может и помешать объективному рассмотрению явления, поскольку внутренние пробле-

мы и комплексы преисполнены упрямого лжемудрия. Личный опыт если что-то и постигает без проблем и приближается к истине, так это будут пути экзальтации – вплоть до заворота кишок – а вопросы мистического свойства могут только запутаться в самих себе, вопросы потустороннего требуют трезвого взгляда со стороны.

– Но ведь мудрецы говорят даже врачу: исцелись сам!.. разве не личный опыт оправдывает все перипетии существования, иногда и наказуя самого себя шлепками и щипками? разве можно верить в то, чего не осознаёшь, или знать о том, чего не можешь понять?..

– И опять же скажу вам: напротив! И даже позволю себе заметить: отнюдь!.. Ибо всецело полагаюсь на правильное распределение мыслительной работы и всяческого знания между субъектами жизнедеятельности и объектами созерцания.

Анна Ильинична, кажется, щекотно хихикнула, словно добрая мамаша на скамеечке у детской площадки развеселилась над неразумностью своего малолетнего дитя и пригрозила ему пальчиком.

– Хорошо, допустим, про загробные Тартарары я ничего не понимаю, но вот вы почему ничего не знаете про происшествия нашего мира, к тому же касающиеся непосредственно вас?.. – обиделся Евпсихий Алексеевич на смех Анны Ильиничны. – Как свершилось с вами то несчастье, после которого вы якобы пропали без вести, а в реальности пребы-

ваете душой в совершенно непостижимом месте, а голосом – в гробу, купленном маменькой и папенькой?

– Об этом мне и хотелось вам рассказать, и я буду насколько возможно коротка.

– Будьте предельно коротки, оперируйте одними лишь фактами. Я слушаю.

– Четверть века назад я была несколько простодушной и причудливой девушкой, совсем недавно вырвавшейся из-под невразумительной родительской опеки, даже слегка взбунтовавшейся от этой опеки, и поругавшейся с родителями, но вовсе без наличия разбитных мыслей и страстей. Мне нравилось дружить с мальчиками, мне нравилось отдыхать в мальчишеских компаниях, но прослыть гулящей девушкой я не могла, ибо не являлась таковой. Что конечно и раздражало мальчиков и излишне возбуждало их залихватские фантазии, но я – повторюсь – в некоторых вопросах была слишком простодушна.

Евпсихий Алексеевич хмыкнул.

– Собственно, я хотела просто влюбиться в какого-нибудь парня, и наладить с ним семейную жизнь, и уже принялась влюбляться в некоего Шершеньева – мальчика очень красивого и умного, и во многом независимого, и именно потому поглядывающего свысока на других девушек, которые иногда вовсе беззастенчиво увивались вокруг него. И вот какова же была моя радость, когда на совершенно дурацкий праздник 23 февраля этот Шершеньев пригласил меня к себе на

дачу, пообещав весёлую компанию и вкусных шашлыков. Я согласилась сразу, и даже толком не расспросила, где находится эта дача, и кто будет с нами на этой даче, а просто побежала домой, приоделась как-то так, чтоб было и симпатично и не зябко. А затем Шершеньев и ещё четверо парней заехали за мной на такси, и мы поехали к нему на дачу.

– Вы не запомнили дорогу на дачу?

– Нет. Я и не пыталась её запомнить, поскольку за всё время пути Шершеньев и другие парни веселили меня, без умолку общались и тискались, водитель им даже пару раз сделал замечание, впрочем, не очень сердито. Молодость есть молодость.

– А тех четверых парней, кроме Шершеньева, вы помните?..

– Да, я их помню, потому что они частенько гуляли вот этой своей вызывающей и притягательной компанией, а с некоторыми я была знакома, хотя очень и очень коротенько. Например, был парень по фамилии Свиристелов, которого постоянно можно было наблюдать рядом с Шершеньевым – они явно приятельствовали, а то и крепко дружили, такое часто бывает с двумя парнями, когда про них говорят «не разлей вода». Также я запомнила Головакина и Феофанова – тоже вполне себе симпатичные парни, любители весёлых шуток, правда у Феофанова был несколько надменный взгляд из узеньких глазёнок, даже не надменный, а с прискорбной иронией что ли, и не очень приятный, честно го-

воря… Головакин, например, называл его «взглядом, как у винтовки с оптическим прицелом»; сам Головакин казался очень щедрым и добродушным человеком. Ещё был совсем мне незнакомый паренёк, которого они все называли по фамилии Сердцеедский, но я не думаю, что такая фамилия есть на самом деле, я всегда смеялась – ну так, разумеется чисто по-девичьи смеялась – когда они к нему обращались: Сердцеедский, расскажи-ка нам что тут да как, растолкуй что тут то да сё, типа ты у нас здесь самый умный!.. Смешная фамилия, такие вряд ли бывают. Это тоже был очень симпатичный парень, и действительно очень умный, и явно пользовался уважением, поскольку все остальные, хотя были и отъявленные шутники и за словом в карман не лезли, всё-таки на Сердцеедского обрушивали значительно меньшую часть проделок, чем на самих себя. Одно могу сказать совершенно точно про дачу: она находилась на окраине города, и добрались мы до неё от моего дома (а мой дом находится, как вы, наверное, уже догадались рядом с той самой липовой аллеей, где вы обнаружили гроб, выброшенный дядей Петей) за полчаса с небольшим. Кстати, неподалёку находилась железнодорожная линия или даже станция, поскольку я отчётливо помню свист локомотивов и перестук колёс.

– И вы сразу принялись пить и гулять на даче? то есть совершать всё то, что у молодёжи называется отдыхом?..

– Да, именно этим мы и принялись заниматься, и это было очень весело, поверьте. И я очень быстро стала пьянеть,

поскольку никогда не злоупотребляла алкоголем, и не была к нему приучена, и кажется принялась вести себя чуть-чуть развязней обычного. А очень скоро и потеряла соображение, вернее ту его часть, которая отвечает за память. Коротко говоря: я совершенно не могу сообщить, что со мной происходило после того, как я чересчур выпила.

– А больше на даче никого не было? Только вы и пятеро парней?..

– Да, именно так, больше никого не было.

– Давайте ещё раз сверимся с их именами, если я правильно запомнил. Шершеньев… Сердцеедский… Головакин…

– Свиристелов и Феофанов.

– И больше никого?

– На моей памяти – никого.

– Это упрощает мою задачу. – Евпсихий Алексеевич ещё раз попробовал дотянуться рукой до кончика носа. – Как бы не старались пять человек, сговорившись заранее, врать об одном и тоже, они всё равно начнут путаться в показаниях.

– Это в том случае, если следователь заинтересован в поисках Истины, а не просто хочет поскорей закрыть дело…

– Итак, вы переборщили со спиртным и перестали осознавать, что с вами происходит. Значит, вы совсем не помните, как эти парни распоясались, понизили планку респектабельности и стали выказывать стремления вступить с вами в половую связь?.. Вы помните хотя бы нескромные шуточки на эту тему, какие-либо намёки?..

– Ну как вам сказать: шуточки… шуточки, конечно, были, но они были очень незатейливы и не грубы, такие шуточки обязательно должны быть и будут, если в компании парней находится девушка. Но я совершенно точно не приметила грубых приставаний или таких, знаете, обжималок в уголке, или непристойных пощипываний за попу, что очень нравится делать некоторым парням, уж не знаю почему. Мы просто жарили шашлыки на улице – благо было достаточно тепло, пили сухое и очень приятное на вкус вино, и я быстро пьянела.

– Парни говорили, почему они не пригласили в гости других девушек, а только вас одну?

– Да, конечно, тут всё дело в Шершеньеве – именно он пригласил меня на дачу, когда как парни раньше договаривались, что будут гулять впятером, что девчонки только всё испортят, поскольку зимой очень трудно создать благоприятные условия для отдыха на плохо отапливаемой даче, и девчонки будут канючить и капризничать.

– Вы же не канючили и не капризничали, а только веселились?

– Насколько я помню – да. Веселье никогда не было для меня фетишем, но тут меня, кажется, чересчур понесло. А затем я совсем опьянела и больше ничего не могла запоминать, и это-то всё и закончилось трагедией.

– Да уж. – построжел голосом Евпсихий Алексеевич. – Мы приступаем к самому важному моменту вашей истории. Рас-

сказывайте всё очень внимательно, не упуская ни одной важной детали, но и не слишком затягивайте рассказ.

– Представляете, Евпсихий Алексеевич, что я совсем не буду затягивать свой рассказ, а скажу, что когда я опьянела и перестала осознавать происходящее – тогда я почувствовала в себе нечто подобное долгому нудному звуку, словно пытающемуся вырваться из замурованного подвала, и это было настолько долго, что я даже не пыталась и понять, как и чем можно соединить этот звук с понятием времени, а затем в сознании появился очень бледный, туго расширяющийся круг, который мгновенно ассоциировался у меня с болью и словом «карачун». И я уверена, что в этот самый миг этот самый «карачун» для меня и наступил: то есть, в этот миг я померла. Это было одновременно и жутко, и сладостно, и невыносимо больно от того, что я уже ничего не могу с собой сделать, но и бесконечно утешительно, что не надо больше делать ничего, чего не хотелось бы с собой делать. В своём новом состоянии я не могла владеть той плотью, которая – скажем так – являла из себя парализованную субстанцию, но я очень хорошо постигала духовную материю, весь накопленный душевный опыт, продвигающийся между тёмных пятен, одним из которых и являлась причина моей смерти. Поначалу я не очень и пыталась как-то освободиться от этого парализованного состояния, хотя, конечно, и грустила о том, что не могу проследовать дальше – в миры, более счастливые и деятельные, но однажды я увидела перед собой некое со-

здание, которое у меня незамедлительно ассоциировалось с ангелом, хотя оно и не имело ничего общего с теми изображениями ангелов, к которым мы все привыкли, и я спросила у него: почему мне не дано проследовать дальше?.. И ангел ответил голосом достаточно аллегорически-назидательным, но с сочувствием, что до тех пор, пока не установится Истина, касающейся моей смерти, с точным определением либо моей вины, либо вины иных людей, я не смогу покинуть временно данную оболочку, дабы проследовать в дальнейший путь и найти в конце концов вечное сладостное успокоение. Эти слова повергли меня в неописуемое горестное состояние, я готова была разорваться от снедаемой тоски и бессилия, и я вновь провалилась в небытиё, в беспамятство, и даже вовсе не полагала из него выбраться. Но вот три года назад мои папенька и маменька приобрели этот гроб, отчаявшись дожидаться каких-либо вестей от меня, установили гроб в моей тихой комнатке, чтоб таким странным способом сублимировать своё общение с любимой дочерью. И только тогда я очнулась – некоторым совершенно неописуемым образом и находясь в столь же совершенно неописуемом состоянии, близком к душевной парализации – очнулась, пребывая в загробном миру, который вы уже назвали очень точно –Тартарары. Мне было одиноко и тоскливо, единственными собеседниками являлись грустные чертенята, озабоченные беспрестанной работой и только умеющие, что жаловаться на свою судьбу. А уж таких жалоб и у меня самой с лихвой

хватало, и чертенята только нагнетали безысходность. Но вот вчера передо мной явился тот же самый ангел, с которым я разговаривала несколько лет назад, и торжественно поведал, что пятеро мужчин, возможно повинных в моей смерти, уже умерли и теперь находятся здесь же. Ибо нет явной Истины и на их счёт, дело 23 февраля покрыто мраком, и тут, конечно, надо бы всех порасспросить хорошенько, разобраться «от и до», чтоб злодей получил по заслугам и низвергнулся в пучину вечных мук, а жертва проследовала в миры обетованные.

– То есть, вы хотите сказать, что и служителям загробных миров неизвестны обстоятельства вашей смерти? – опешил Евпсихий Алексеевич, впрочем, посчитавший, что его кто-то сильно хочет обдурить.

– И я не могла поверить услышанному от ангела, но он явно не шутил. Он просто попробовал мне объяснить, что если бы всякое движение на земле – несущее трагедию или радость – возможно было бы досконально запечатлеть, то была бы возможность и куда как более полезная: останавливать событие на уровне зачатия, пресекать в самый начальный миг задумки любое бесполезное злодейство, предотвращать грехопадения и не позволять катастрофам уносить жизни ни в чём не повинных людей. Но ангел мне попробовал объяснить, что у них таких возможностей нет. Всё гораздо хуже, чем мы себе представляем, пока живём на земле.

– Вон оно что. Кажется, я эти обстоятельства хорошо по-

нимаю, поскольку и сам о чём-то таком догадывался. Мне бы пообщаться с этим ангелом, но только не в том месте, конечно, где вы пообщались, мне бы где-нибудь здесь…

– Не уверена, что здесь это возможно.

– Думаю, что это совсем не возможно, но возможно другое. Возможно помочь вам. Итак, смерть ваша загадочна, лица – возможно виновные в вашей смерти – за это время и сами успели помереть, и теперь населяют миры Тартарары, и чтоб всё это собралось в единый мозговой центр и завершилось Истиной, мне нужно расследовать дело 23 февраля и поставить точку.

– Да! – воскликнула Анна Ильинична. – Расследуйте и поставьте точку!!

Евпсихий Алексеевич торжественно кашлянул.

– Но вы уверенны, что умерли именно тогда – на празднование 23 февраля, что случилось четверть века тому назад?

– Странный вопрос. А когда же ещё?..

– То есть, вот вы напились на этой дурацкой даче и обеспамятовали – и всё!! больше ничего в своей жизни не помните?..

– Ни секундочки. Ничего.

– И нудный звук, который сопоставился у вас со словом «карачун», это не столько кусочек памяти, сколько ощущение, что чем-то таким ваша память должна была уплотниться?

– Получилось так, что память была сама по себе, а я сама

по себе.

– Но уверены, что не просто померли, скатившись кубарем с крылечка и ударившись головой об лёд, а в результате совершённого насилия на 23 февраля?

– А когда же ещё я могла помереть?? И если надо мной не было совершено насилие, а я просто свались с крылечка, то какой тогда был смысл прятать моё тело?

– А вы считаете, что ваше тело было спрятано, поскольку его не нашли?

– Либо плохо искали одни, либо другие хорошо спрятали – потому и не нашли.

– Ну да, ну да… – пробормотал Евпсихий Алексеевич. – Ну да… И вот ведь что ещё удивительно: что за такой относительно короткий срок все пятеро парней умерли. А отчего?..

– Не могу знать.

– Не можете, конечно, не можете знать, я просто так спрашиваю… Но что же вы от меня хотите? Я не могу проникнуть в архив прокуратуры, чтоб заняться чтением вашего уголовного дела и понять, много ли вранья было в показаниях всех этих Шершеньевых и Свиристеловых.

– Вам и не нужно проникать в архив прокуратуры. – Анна Ильинична загадочно промолчала. – Вам нужно проникнуть в Тартарары!..

Вниз

Евпсихий Алексеевич чуть было не разразился саркастическим хохотом, но осёкся. Анна Ильинична явно не шутила.

– Вам нужно проникнуть в Тартарары, встретиться с каждым из этих пятерых парней – верней с теми функциями, которые они сейчас из себя представляют – и хорошенько допросить. Сама я этого сделать не могу, у меня имеется собственное пристанище в Тартарары, и покинуть я его не имею возможности, но могу своим голосом сопровождать вас и помогать, если вдруг что понадобится. Только так вы сможете установить Истину.

– Но помилуйте, любезная барышня, разве возможно живому человеку попасть на временную прогулку в Тартарары?..

– Возможно. Уверяю вас, люди неоднократно к нам попадали, и затем удачно возвращались обратно – это не так сложно, как вы думаете. Ведь всё, что находится вне человека, обнаруживает свою символику всему, что находится внутри человека, надо только уметь всё это применять и сочетать. Десятки средневековых алхимиков посещали Тартарары, созерцая некогда величественных королей и титанов, заполнявших эпохальной мудростью геополитический вакуум, общались и с простыми смертными, убеждаясь, что они

движут историческими процессами ничуть не меньше, чем вышеупомянутые титаны. Но лишь некоторые из путешественников в Тартарары позволяли себя намёки или небольшие аллегорические рассказы о своих приключениях, поскольку отлично понимали, что каждое высказанное слово имеет последствия, за которые непременно будешь отвечать.

– Предумышленный эффект, изменяющий иерархию вещей – это я понимаю. – Евпсихий Алексеевич вдруг почувствовал в левой ноздре неприятную щекотливую пылинку, но умудрился ловко сдунуть её и не расчихаться. – Непредумышленные обстоятельства – они куда как опасней.

– И ещё раз хочу напомнить, что вы здесь, у нас, будете не один, мой голос обязуется вас сопровождать и поддерживать. – пообещала Анна Ильинична.

Евпсихий Алексеевич был смелым человеком. Даже отчасти законопослушным авантюристом, лишь бы предполагаемые приключения не наносили нравственных увечий.

– Ну, конечно, по молодости я мечтал и на машине времени покататься, чтоб питекантропов прорабатывать, а тут должно быть всё менее опасно, надо только потрудиться.

– Да, Евпсихий Алексеевич, вы очень точно подметили свою наипервейшую задачу: тут надо очень потрудиться, и – главное – верить в плоды трудов своих. Мне кажется, что для посещения различных миров, находящихся под юрисдикцией Тартарары, вам необходимо не просто возлечь в гроб, как вы наловчились это делать для общения со мной, но и при-

нять специальный эликсир, вызывающий эффект анафилактического шока. Назовём его так, как он достоин называться – снадобье алхимического свойства. Эликсир мудрецов, что некоторым хочется прозвать *философским камнем*, но которым он конечно не является.

– Простите – что?? – Евпсихий Алексеевич совсем не ожидал услышать от юной девушки таких эзотерических вывертов. – Простите, а вы откуда про него знаете?..

– Кажется, у нас все про него знают, и это знание берётся неизвестно откуда. Собственно говоря, и тот голос, которым я с вами общаюсь – не совсем мой, и взялся также неизвестно откуда.

– Если у вас всё берётся неизвестно откуда, то откуда-то натуральным образом должен взяться тот, кто приготовит вам этот эликсир?

– НАМ приготовит. – уточнила Анна Ильинична. – И вам, в данном случае, он гораздо нужней, чем мне. Вот вы его и приготовите.

– Я?? – засмеялся Евпсихий Алексеевич, представляя себя в образе седобородого старца, принюхивающегося с блаженством идиота ко всеразличным амброзиям и снадобьям. – Готов биться об заклад, что вы пальчики оближите, если попробуете, приготовленный мной омлет или жаркое из свинины. Готов прямо сейчас затеять на кухне маленький кавардак и наварить в кастрюлях всего, что только попадётся под руку. Но уж будьте уверены, что *философского кам-*

ня из этого не получится, вы просто не в курсе того, о чём говорите. Мне даже негде отыскать необходимые алхимические реторты и тигли, не говоря о компонентах, образующих ваше мифическое вещество.

– Вы полагаете, что рецептура эликсира сложна?

– Неимоверно!.. Я не обладаю хорошей памятью и с трудом усваиваю разные полезные задачки, но некоторые сведения западают надолго и помогают в часы досуга развеселить приятелей с приятельницами – они любят всяческую волшебную небывальщину. Как раз рецепт приготовления *философского камня* я однажды зачем-то запомнил, и сейчас вам его поведаю, догадываясь, что у вас это вызовет не столько весёлую расторопность, сколько насупленную печаль. Итак, некто из древнейших служителей практической магии писал своему верному ученику: *«Чтобы сварить эликсир мудрецов, известный также, как философский камень, возьми, друг мой, с верхней полочки философской ртути, и накаливай на сковороде, пока не превратится она в Зелёного Льва с личиной побитой собаки, пытающейся ухватить тебя за палец, но не способной укусить, ибо труслива. Затем прокаливай сковороду ещё сильней, и ртуть превратится в Красного Льва с личиной вавилонской блудницы, жаждущей пасть в неге под лаской твоих рук, но помни, что всякий взгляд её есть обман. Дигерируй блаженно рыкающего Льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость и увидишь тогда на сковороде*

камедеобразное вещество, которое легко режется ножом и обгрызается зубами. Помести его в реторту, обмазанную монтмориллонитовой глиной, и дистиллируй с ночи полнолуния дня, цифра которого чётна, вплоть до первого боя полуночных курантов в день, в названии которого количество букв нечётно. Собирай отдельно все капельки и накопления жидкости, появляющиеся при этом, чтоб затем различить в них и безвкусную флегму, и слёзы палача, и влагу, подобную той, что остаётся на губах после поцелуя. Но вот когда киммерийские тени покроют твою реторту тёмным покрывалом, тогда ты наберёшься храбрости и заглянешь под него, и увидишь дракона Ураборoса, пожирающего собственный хвост, и всяким движением своих мускул, насыщающего пространство анаболическими стероидами. Прикоснись к нему раскалённым углём самшитового древа. Сделай так, чтоб дракон от яростной боли сожрал до конца свой хвост, и снова примись за дистилляцию. И очень скоро ты увидишь смесь, напоминающую видом человеческую кровь, изрыгнутую перенасыщенным Зверем – которая, друг мой, и будет эликсиром жизни, сиречь философским камнем. Так возьми её.»

– Действительно, чепуха. – после паузы тяжело выдохнул голос Анны Ильиничны. – Дракон, львы, вавилонская блудница… О чём это всё?.. Я была уверена, что можно было обойтись заячьими лапками и мышиным навозом. Ну, или какие там комбикормовые вещества пользовали средневеко-

вые ведьмы?

– Ведьмы чего только не практиковали, и инцестуозные связи в том числе – нам это совсем не подходит.

– Корешки мать-и-мачехи могли бы использовать – сейчас я думаю их в любой аптеке продают. – огорошено бормотала Анна Ильинична. – А монтмориллонитовая глина – что это? откуда нам её взять?..

– Некоторые химики – я сейчас говорю про настоящих химиков, вполне заслуживающих учёных степеней и всеобщего уважения – в последствии пытались расшифровать этот рецепт, точнее говоря, не расшифровать, а предать ему комплектующую ясность. Так *философскую ртуть* объясняли обыкновенным свинцом, а *зелёного льва* сравнивали со свинцовой окисью, известной под названием массикот, а *красный лев* определённо был маскировкой обыкновенного красного сурика. Затем алхимик дигерировал сурик на сковороде до получения свинцового сахара – то самое вещество, что можно легко резать ножом и грызть зубами, а затем дистиллировал, чтоб получить так называемую *флегму* – кристаллизационную воду, *слёзы* – спирт, известный в наше время под названием ацетон, и *влагу поцелуя* – что-то вроде современного полимера трифторхлоруглерода. Впрочем, это всё ненужные компоненты, побочные, сущая дрянь, а исследователей интересовал *дракон Ураборос*, пожирающий собственный хвост. Его точная расшифровка нам не знакома, а если кто из учёных мужей и раскрыл эту тайну, то не поделился с

человечеством, а использовал в корыстных целях.

– Выходит, тут нам надеяться не на что?

– Выходит, что не на что. Безусловно, я человек ответственный, и могу весь остаток жизни потратить на добычу *философского камня*, и возможно даже получу нечто полезное и жизнеутверждающее. Но вам-то что с того?

– Да, понимаю, что мне никакой практической пользы от ваших экспериментов не видать. Думаю, напрасно я это всё затеяла, вас напугала и втянула в свои бредни… Право слово, мне очень жаль. Готова попрощаться с вами, надеясь, что оставлю по себе добрую память, и когда-нибудь мы обязательно встретимся в мирах, предназначенных судьбой, чтоб вновь пообщаться на эту загадочную тему – но уже с грузом прожитых лет и ошибок. Я к тому времени наверняка смирюсь с участью и буду тихонечко улыбаться, слушая ваши потешные воспоминания о том, как ударились лбом об гроб и на этом не угомонились.

– Здрасьте, приехали. – ворчливо заегозил Евпсихий Алексеевич. – Мне категорически не нравится ваше настроение. Вы слишком рано сдаётесь, не попробовав придумать ещё что-нибудь замысловатое, способное помочь мне проникнуть в Тартарары.

– Но что ещё можно придумать?

– Да разное. Погодите, я сейчас вспоминаю одну книгу, сочинённую доподлинным магистром масонской ложи, и при том будучи лицом весьма известным в конце девятна-

дцатого и в начале двадцатого веков, лицом, приближённым к царской семье – а среди Романовых масонов было пруд пруди, факт известный – и вот в этой книге он упоминает удивительный способ, при помощи которого за единый миг преодолевал расстояния в сто тысяч вёрст.

– Я заинтригована. Как же он так умел?..

– Оказывается, всё дело в ультразвуках – во всяком случае, так пишет магистр, а поскольку на прочих страницах своей книги он пишет абсолютную правду, легко проверяемую из разных исторических источников, то можно доверять ему и в этих россказнях. Магистр за неслыханные деньги прикупил в Америке авиационный мотор, тайно доставил его в своё имение, где уснастил некоторой технической спецификой, а именно – приделал к лопастям пропеллера множество тонких металлических пластинок, способных при вращении мотора издавать те самые ультразвуки, вызывающие у человека анафилактический шок, возможно даже со смертельным исходом. Но уж если человек не умирал, а лишь впадал в состояние, схожее с сомнамбулическим, то у него раскрывались неслыханные доселе возможности, связанные с дополнительной энергией. Человек в считанные секунды преодолевал и онтологическую ущербность, и физиологическую законченность. Да и не только с человеком творились чудеса – экспериментатор пишет, что однажды множество окрестных собак сбежалось к сараю, где неустанно вращался мотор, чтоб посмотреть и хорошенько облаять ме-

ханизм, но достаточно быстро прониклись его мощностью. Одни особи начинали летать и кувыркаться в воздухе, заполошно отбрыкиваясь лапами друг от друга, некоторые собаки обретали дар человечьих голосов и однозначно выражались по поводу происшедшего с ними, другие же испытывали потребность куда-то мчаться с невероятной скоростью, так что магистр не видел перед собой собак, а наблюдал сплошную нервно-дрожащую меховую петлю то стягивающуюся, то растягивающуюся вокруг сарая с мотором.

– Это то, что нам нужно! – воскликнула Анна Ильинична.

– Во всяком случае, это проще, чем жарить драконов на сковороде, и я уверен, что вы – как насельница миров таинственных и сверхъестественных – способны извлечь голосом ультразвуки, дабы пронзить гипоталамус в моём мозге и вызвать анафилактический шок. Если упомянутый магистр в состоянии шока и с лёгкостью перемещался из родового имения под Конотопом на бал-маскарад в большом дворце Петергофа, то и мне ничего не стоит проникнуть в Тартарары.

– Я могу попробовать прямо сейчас извлечь эти звуки.

– Погодите. Ради Бога, не торопитесь.

Евпсихий Алексеевич ещё не совсем был уверен в необходимости путешествия, возможно, не сулящего ничего доброго; перед глазами промелькнули волнующие воспоминания и важные невоплощённые замыслы, сердце тревожно забилось и заелозило, словно напоминая про скудельный сосуд чело-

веческого тела, и что-то совсем невразумительно-недосягаемое заскреблось на совести. «А ведь ещё совсем недавно, если б мне предложили просто взять и умереть – я воспринял бы такую задачу даже с отчаянным удальством, даже потребовал бы не поминать меня лихом, даже подбадривал бы возможного палача своим геройским видом. Но теперь, когда я убедился, что посмертное будущее продолжает активную, пускай и перелицованную шиворот-навыворот жизнь, мной одолела робость, а по сути – это настоящий страх проследовать в клоаку инфернального мира. Впрочем, находится во мне и чувство стыда, что проявляю малодушие перед несчастной женщиной, и это чувство сильнее страха; уж ежели обещался ей помочь, то будь добр – помогай, держи слово!» И Евпсихий Алексеевич попробовал приосаниться, насколько это позволял размер гроба, и патетично хмыкнул.

– Я готов, Анна Ильинична. Приступайте.

– Я так понимаю, что надо верещать как можно пронзительней?.. Этаким нестерпимо режущим визгом?

– Вот-вот, Анна Ильинична, вообразите себя безжалостным вихрем, или даже смерчем, несущим массовые разрушения, один только вид которого вселяет в людей ужас, а стенания его подобны сирене, сконцентрированной на одной невыносимо тончайшей ноте… Аааааяяяяйййй!! – попробовал провизжать заполошной сиреной Евпсихий Алексеевич, но закашлялся и чертыхнулся.

– Я всё поняла, будьте здоровы. Лежите тихонечко, а я

сейчас заверещу, дайте мне одну минуточку. – сперва Анна Ильинична, для пробы голоса, напела тембром элегической виолончели коротенький куплет, пришибленный на унылых рифмах, затем набралась силёнок и произвела хрустяще-стонущий вопль, вынудивший Евпсихия Алексеевича содрогнуться.

– Давайте-ка что-нибудь пописклявей. – торопливо забормотал Евпсихий Алексеевич. – У меня сердце захолонуло от вашего вопля, а надо чтоб вы в мозг проникли. Мозг – вот тут у меня – в голове.

– Я всё поняла, я просто пытаюсь настроиться, я никогда раньше не пробовала делать то, о чём вы просите. – Анна Ильинична ещё некоторое время выдавливала из себя свирепо булькочущие звуки, а затем затянула долгим скулящим писком: – Аааааааа… ууууууу… ииииии…

– Пронзительней, умоляю вас!.. представьте, что вам необходимо выдуть из меня все мозги без остатка!.. – потребовал Евпсихий Алексеевич, не ощущая в гипоталамусе частиц, механически стимулирующих биологически активные точки.

– Ууиииииии!.. Ууиииииии!.. – выкладывалась Анна Ильинична.

– Свистите, Анна Ильинична, не визжите! с визгом у нас ничего не получается! – потребовал Евпсихий Алексеевич. – Пронзительно-тонко свистите!..

Анна Ильинична выдохнула свой беспорядочный визг без

остатка и, всецело предавшись желанию достичь Истины, дабы обрушить меч справедливости на преступную главу, яростно засвистала. И этого оказалось вполне достаточно.

Существо Евпсихия Алексеевича засвербело каждой своей щепоткой, каждой нервной клеточкой, рефлексируя на неистово ноющую боль и проламывая целостность своего же сознания. И вот он словно бы рухнул в воздушную яму, перекодирующую все обозначения ясности, и перед ним воссияло тугое огненное колесо, по ободу которого дрались, кривлялись и прельстительно корёжились искрящиеся тени людей и городов. Ожесточённо-медленно вращаясь и поскрипывая, словно дыхание зверя, внезапно разбуженного и вылеченного от смертельной болезни, оно вытянулось в громадный душный тоннель из тысячи огненных колёс, в который и затянуло Евпсихия Алексеевича, чтоб через долю секунды выплюнуть на начало нового пути.

Отряхнувшись и выждав, когда угомонится боль в предплечье, Евпсихий Алексеевич осмотрелся по сторонам, соображая, что теперь ему делать и кого здесь стоит опасаться. Поначалу его очень напугало отчётливо слышимое муторное дыхание, пытающиеся подавить все прочие звуки, пока Евпсихий Алексеевич не сообразил, что это его собственное дыхание, просто к нему нужно привыкнуть. Его окружало слегка кривоватое пространство, совершенно безлюдное и удручающе тяжеловесное, но не способное пребывать в состоянии покоя даже несколько секунд – оно непре-

станно вздрагивало, расплывалось и смазывалось во всеразличных кусочках, клочках и точках, настойчиво привлекало к себе что-то чужеродное и затем изгоняло его, увлёкшись иными причудливыми экстрактами. Облезлые шафранные сумерки покрывали Тартарары, словно неумело разрисованные дрянной дешёвой краской, а мертвенно-бледную небесную твердь лениво буравили косматые огненные всполохи. Кажется, из-под земли доносились отдалённый ропотный гул и звяканье цепей, сквозь узкие неприметные скважины прорывались костлявые змейки молний, бились в конвульсиях и вырисовывали переплетёнными трещинами на засохшей земле то ли слова, выкраденные из неизвестных языков, то ли демонические аллегории.

Евпсихий Алексеевич видел перед собой единственное уныло-торжественное здание, напоминающее полуразвалившийся провинциальный театрик с вычурными гипсовыми колоннами у входа, украшенными любопытными психеями и ангелочками, с витражными окнами, неумело забитыми досками, и массивной дверью, заманчиво приоткрытой чуть более чем на четверть. На крыше здания имелся нахлобученный, словно бы наобум, огромный дырявый купол, подозрительно блещущий тёмным серебром и выгравированными буковками, что, словно развязанные узелки арабской вязи, выстраивались в надпись «КАЖДОМУ – СВОЁ». Евпсихий Алексеевич сообразил, что здесь ему больше некуда податься, отворил дверь в театр пошире – для чего ему пришлось

изрядно поднатужиться – и протиснулся во внутрь. Фойе почему-то отсутствовало, а имелось тесноватое помещение гардероба, совмещённого с буфетом, при выходе из которого сразу начинался просторный зрительный зал, возведённый высоким кичливым амфитеатром, и бестолково освещённый тремя скукоженными люстрами. Впрочем, вычурная роскошь театра осталась в далёком прошлом, а сейчас, благодаря ободранным креслам, залежам нетронутой пыли и запаху простуженной оркестровой ямы, зрительный зал вызывал у Евпсихия Алексеевича ощущения брезгливые и тягостные. Пол был по щиколотку завален хламом из аляповатых декораций, лоскутьев тяжёлых бальных платьев и пёстрых сказочных костюмов, обрывков незатейливых афиш, бутылок, пластиковых стаканов и объедков из театрального буфета. Саму сцену интригующе-плотно прикрывал занавес, впрочем, дозволив красоваться посерёдке суфлёрской будке, чем она и превосходно воспользовалась, демонстрируя из себя квинтэссенцию творческой невинности. Публики в зале не было и в помине, и только в директорской ложе сидел некий взлохмаченный человечек, явно ненавидящий всё происходящее вокруг, но пробующий смириться со своей участью.

– Евпсихий Алексеевич! – воскликнул он, обращаясь к нашему герою с помпезным умилением. – Вот и вы к нам припожаловали, вот и вас не миновала чаша сия – как могли бы горестно заметить поэты, невольники-то чести. Не сомне-

ваюсь, что вы были человеком праведной жизни, и надолго у нас не задержитесь, а я вот попал в это проклятое логово – теперь и не ведаю, как выпутаться!.. – человечек помахал обгорелой театральной программкой, затем свернул её в свиток и пару раз шарахнул по перилам ложи. – Застрял в нумерологических лабиринтах, не могу разгадать, что тут за казуистику показывают мне доморощенные актёришки. Пятый год маюсь.

– Позвольте, откуда же вы меня знаете?

– Да ещё бы не знать. Вы проходили свидетелем по делу о массовой драке у стоматологической поликлиники, а я как раз следователь Крокодилов, что вёл это дело, и вас допрашивал. Ну, да куда вам меня запомнить, вы пришли и ушли, а я вот запоминаю почти всех своих подопечных. Иного встретишь случайно на улице или в каком-нибудь учреждении – вот как вас сейчас, например – и хочется заново его за решётку упечь или хотя бы допросить хорошенько, чтоб он содержал себя в состоянии изумления и обуздания. Всякий нормальный человек должен так существовать, чтоб и помыслить не мог о возможности нарушить закон. Впрочем, что сейчас о прошлом толковать, прошлого не воротишь, а вот взгляните-ка на сцену, Евпсихий Алексеевич, сейчас представление начнётся. Пятый год смотрю, в день по пять сеансов с антрактом. Не желаете ли выпить? – у меня тут большие запасы.

– Нет, простите.

– Как хотите, Евпсихий Алексеевич. – следователь Крокодилов строго прищурился, показывая, что отчасти обиделся на отказ гостя выпить с ним, но с привычным безнадёжным азартом выдул из горла полбутылки. – Глупое тщеславие привело меня сюда, думал, что всё на свете знаю, всё мной разгадано и перегадано до малейших подробностей, а тут влип. Только представьте себе: истекаю я кровью, в результате полученных травм, ожидаю смерти и блаженства безгрешности, а оказываюсь в этом мерзопакостном местечке и выслушиваю претензию, что дело Анны Ильиничны Зарницкой не распутано, а значит я не выполнил свой земной долг до конца.

– Дело Анны Ильиничны??

«Это получается тот самый следователь, что занимался расследованием моего исчезновения.» – Евпсихий Алексеевич услышал в голове голос Анны Ильиничны и приободрился.

– Так выходит, что это вы не довели дело Анны Ильиничны до конца, и теперь вынуждены обживать Тартарары? – не сдержал ехидной улыбки Евпсихий Алексеевич.

– Ну да, так и есть, можете смяться, сколько вам влезет. – с пьяной усталостью махнул рукой следователь. – Хотел на собственном лбу выцарапать гвоздём «дурак ты – Крокодилов», да смысла нет – некому читать. Гостей тут почти не бывает, а начальство с проверками заходит редко. Тут и без начальства полно причин, чтоб стыдиться, стесняться и по-

тихоньку бздеть.

– Собственно говоря, я не совсем погостить сюда зашёл, у меня тоже своё дело имеется. Вот вы насчёт Анны Ильиничны Зарницкой выразились, а если я попрошу подробностей?

– Да, извольте, могу и подробностей, да что с того толку. Девка молодая была, пропала без вести, сгинула прямо во время весёлой гулянки, которую организовала компания безмозглых парней. Как сквозь землю провалилась. Сколько я их не допрашивал: никто ничего не знает и не понимает, как такое могло случиться. Оно, конечно, пьяное состояние ухудшает тактико-технические характеристики наблюдательности, но чтоб сразу не заметить исчезновения единственной подруги и не переполошиться – в это мне верилось с трудом. Ну, думаю, устроили ей групповой шпэхен-трэхен, а затем побоялись ответственности, укокошили девку и труп припрятали – вся фактурность преступления, казалось бы, лежит на поверхности, но, однако, никаких улик не обнаруживалось. Нет трупа – нет доказательства чьей-либо вины.

– А хорошенько ли обыскали окрестности?.. Кстати, где находится эта самая дача, куда парни завезли девушку?..

– Дача где-то за посёлком силикатного завода – да там чёрт ногу сломает, замучаешься обыскивать. Ты думаешь, Евпсихий, что мне было наплевать на девушку, что ежедневная рутина воспитала во мне безразличие к людским судьбам?.. И ты отчасти прав, Евпсихий, но поставь себя на моё место: сотрудников для проведения розыскных работ не хва-

тало, материальных средств не имелось вообще, прокурор требовал не заниматься ерундой, уверяя, что девка уехала к жениху в Серпухов и теперь живёт там при совершенном удовольствии, наплевав на отца с матерью. Безбашенная молодость, дескать, трампапусики и всё такое.

«Не было у меня жениха в Серпухове.» – заныл голос Анны Ильиничны.

– А мне какой резон с прокурором ссориться, если – в целом – он человек не плохой и отчасти полезный?.. – вздохнул следователь Крокодилов. – А вот резона-то и нет.

Но вдруг в театре три раза истошно прозвенело, собирая отсутствующих зрителей на представление, распахнулся багрово-бархатный занавес, местами почерневший от копоти, и на сцену выскочил конферансье с повадками манерного официанта, зудливо почёсывающего рожки, игриво выглядывающие из-под прилизанных неестественно рыжих волос.

– Дамы и господа! – воскликнул конферансье, обращаясь в пустой зал, не замечая ложи со следователем и Евпсихием Алексеевичем. – Артист, что готовится выступить перед вами, известен всем и почитаем по заслугам. Одни знатоки театрального искусства называют его сразу по имени, пытаясь быть запанибрата, а другие вычисляют из его имени сразу семь имён, зашифрованных ещё в библейские времена, и получают число 666. Да вот, пожалуйста, я назову и имена эти, негоже их скрывать: Evantas, Damnatus, Antemus, Gensericus, Antichristus, Teitan и Die-Lux. Друзья, поприветствуйте ар-

тиста аплодисментами, он обожает своего зрителя.

На сцену выбрался, слегка усталой и пренебрежительной походкой, весьма важного вида бесёнок в военном френче, с пышными усами, угрюмым тупым взглядом, шарящим по самым отдалённым уголкам зрительного зала, и с трубкой в зубах.

– Почему музычка не лялялякает? – сурово спросил он у конферансье, и тот затараторил извиняющимся тоном, не допускающим возражений, что ему намекали всякие доброжелательные товарищи о попытках вредительства в театре, но любые акты диверсий будут им пресекаться строго по закону.

– Теряете авторитет, милейший. – прицельно прищурился бесёнок на конферансье.

– Сейчас всё будет, минуточку! – и конферансье, всматриваясь в тишину оркестровой ямы, затейливо зарычал.

– А если мне голову отрубили по статье за разжигание межрелигиозной розни, то чем я буду в трубу дуть? – послышался негодующий вопль из оркестровой ямы. – Я буду на вас жаловаться в вышестоящие инстанции.

– Вы нам тут психотропный ГУЛАГ не устраивайте. – категорично афишировал свой кулак конферансье. – Дуйте хоть задом, но чтоб музыка была – вам за это вознаграждение выписывают и молоко за вредность.

Оркестровая яма уязвлённо зашушукалась, но, кажется, кроме безголового трубача, поддерживать мятеж никому из

музыкантов не хотелось. Конферансье отошёл за кулисы, где превратился в изваяние скорби, а глуховатая, плохо выспавшаяся скрипка сдержанно затянула вступление к песне.

– *Мягко стелют да жёстко спать…* – забормотал речитативом с усладительным кавказским акцентом бесёнок. – *Бесконечно-подлый трындёжь про гуманизм, ибо больше нечего рабам отдать в двенадцатичасовой рабочий механизм…*

Раздолбанное фортепьяно экономно дребезжало, нагнетая покорную тревогу в сердцах слушателей, и лишь короткими взрывами минорных аккордов акцентировало переходы со строчки на строчку этого мрачноватого пения. Из оркестровой ямы выглядывал хулиганистого вида бесёнок-шишига и делал вид, что дирижирует. Обман шишиги раскрылся очень скоро, поскольку дирижировать ему было нечем: оркестр представительно молчал, следуя предписаниям партитуры, а церемониальные каверзы фортепьяно сопровождали лишь чирикающие каракули флейты и та самая труба безголового трубача, иронично подхихикивающая в терцию.

– Халтура! – поморщился следователь Крокодилов.

«Расспросите его о последовательности событий в тот злополучный день. – потребовал голос Анны Ильиничны в голове у Евпсихия Алексеевича. – Наверняка он неоднократно допрашивал подозреваемых и запросто мог уцепиться за какую-нибудь мелочь, способную определить, где чушь несусветная, а где частичная действительность.»

Бесёнок в военном френче закончил пение, прочертив пыхающей трубкой вокруг своей головы что-то вроде нимба, и покинул сцену. Его тут же сменила парочка вертлявых скелетов с подборкой юмористических миниатюр. Как не странно, шутки в основном были не плохи, но однообразны и сводились к незадачливым ночным посетителям кладбища. Например, был показан пьяный мужичок, что упал ночью в свежевыкопанную могилу, где отоспался, а утром побрёл домой. И только у ворот его догнал кладбищенский сторож, со всей мочи треснул лопатой по балде и крикнул: «Вылез погулять – так гуляй, но за территорию – ни ногой!!» Оркестр сыграл туш.

– Экий дурень. – усмехнулся следователь Крокодилов. – Теперь может загреметь по статье о нанесение тяжких телесных повреждений. Страшное дело.

– А скажите-ка, любезный. – отвлёкся от сценического действа Евпсихий Алексеевич. – Насколько тонка психологическая грань, отделяющая следователя от преступника?.. Ведь измышляя способ, которым было совершенно преступление, следователь вовлекается в тот же самый криминальный механизм, что овладевает головой преступника. Разве нет?

– Тут разница в причинно-следственной связи. Я могу придумать преступление, могу придать ему идеально-нераскрываемую форму, но не придумаю достаточного довода, чтоб его совершить.

– Не из боязни? – улыбнулся Евпсихий Алексеевич.

– Отчасти. Но и преступник тоже боится совершаемых деяний и последствий этих деяний, я вообще не верю в бесстрашных людей. Если любой человеческий подвиг ухватить за ниточку, характеризирующую личностные мотивы, то противоположный её конец отыщется в недрах либо обыкновенной глупости, либо жуткого отчаяния.

(«Как это ты собрался меня сожрать? – спрашивает скелет, играющий роль приблудившегося на кладбище мальчонки, у скелета-покойника. – Как ты вообще можешь любить сырое мясо?.. У тебя же нет органов пищеварения, и проглоченные куски прямиком вываливаются из задницы!» – «Так вот и люблю. – отшучивается покойник. – Зато экономлю на лекарстве от глистов.»)

– Мда. – следователь развернул программку, потыкал пальцем в чью-то фамилию, отвечающую за авторство шуток, и вздохнул. – Вроде бы и смешно, а ничего не понимаю. Зачем мне всё это выслушивать по сто раз за день, к чему всё это меня приведёт? – не понимаю!!

Могильным ознобом повеяло со сцены, на несколько секунд черепушки скелетов исказились жесточайшими гримасами, повелевающими всеми ужасами бесконечности, но конферансье дал отмашку на продолжение концерта.

– Для чего мне нужно было жить на свете, если всё закончилось именно так глупо?? – прошептал следователь.

Затем он допил из бутылки вино, сдержанно рявкнул и

отправил пустую посудину в оркестровую яму, где она, кажется, никого не задела, но навела шороху.

– А давайте возвратимся к вопросу о пропавшей девушке. – Евпсихий Алексеевич встряхнул головой, словно отбиваясь от только что увиденного. – Разве профессиональный взор сыщика не обнаружил на даче ничего подозрительного, за что можно было бы уцепиться и потянуть ниточку?.. К примеру, что из себя представляла эта дача?

– Дача как дача, Евпсихий, обыкновенная дача. – усталым негромким голосом произнёс следователь Крокодилов, что вынудило и парочку бесноватых скелетов на сцене прервать своё выступление и с интересом прислушаться. – Дощатый домик с тремя комнатками, даже с двумя – поскольку одна комнатка выполняла роль кухни и хозяйской бытовки. В таком домике может запросто разместиться компания из пятерых парней и одной девушки, не слишком мешая друг другу, и не подозревая о том, что может твориться в соседней комнате, если оттуда не доносится совсем подозрительного шума. Впрочем, компания большую часть времени проводила во дворе дома, впритык к огороду, где пили и жарили шашлыки – причём кто-то уверял меня, что специалистом по заготовке мяса и жарке шашлыков был Феофанов, а вот сам Феофанов (впрочем, не исключено, что я запутался, и это был не Феофанов, а кто-то другой, хотя бы и хромой Головакин) уверял, что шашлыки жарил Шершеньев, а остальные подносили уголёк, подшучивали над девушкой и

забавлялись с хлипким февральским снегом – короче говоря, все были при своём деле. Но вот на что я сразу обратил внимание, это на поведение Сердцеедского. Если даже в кабинете следователя – скажем так, при обстоятельствах непростых и претендующих на тюремный срок – он держался крайне независимо, и порой строил из себя этакого надменного Цезаря, архаично балагуря и подтрунивая над приятелями, то можешь себе представить, Евпсихий, насколько высокомерно он себя вёл и на самом празднике. Кажется, на одном из допросов Головакин сказал, что чуть было не затеялась драка между Сердцеедским и Феофановым, поскольку первый назвал второго «генетическим отребьем», добавив, правда, что это всего-навсего шутка, а Феофанов незамедлительно указал на выгребную яму и спросил, не хочет ли Сердцеедский очутиться там?.. Казалось бы, что подобный рассказ может быть и пустячком, всего лишь промелькнувшим на безоблачном небе, но для меня он послужил достаточным поводом, чтоб усомниться в крепких дружеских отношениях внутри компании, а отсюда я сделал вывод, что если кому-нибудь одному из парней довелось совершить побыстренькому преступное деяние, то он сохранил свой поступок в тайне от всех прочих, ибо не испытывал к ним дружеского доверия. Хотя, возможно, что это и не Головакин мне сказал про конфликт между Сердцеедским и Феофановым, а Свиристелов сказал – я не могу сейчас всего вспомнить… Вот бабка моя ещё жива, а она была приятельницей

соседки этих Зарницких, и она шибко этим делом интересовалась, всё расспрашивала меня и записывала что-то в тетрадочку… не знаю, что она там записывала… Тебе бы дождаться моей бабки, когда она помрёт и здесь объявится, и порасспросить её хорошенько, что да как с пропажей этой Зарницкой, она тебе много чего порасскажет. А я деталей не могу вспомнить, сколько годков-то прошло.

– Ваша бабка?

– Ну, жена моя, старая она просто – вот я её бабкой и называю. – противно хмыкнул следователь.

Конферансье выпроводил незадачливую парочку скелетов за кулисы, вернулся к центральному микрофону, где ощерился всей пространностью своей комично-свирепой мордашки, после чего потребовал от благородной публики максимум внимания. Весь большой свет в зале погас, оркестр быстренько состряпал что-то вроде циркового антре, и на сцену выскочило длинношерстное хохластое существо небольшого роста, застыло в призывно-пересекающихся лучах прилипчивых софитов и противным детским голосочком затянуло грустный романс о лошадке, скачущей в спелом лугу.

– Халтура. – свистнул в два пальца пьяненький следователь Крокодилов. – Ещё бы «в лесу родилась ёлочка» спела. Да мы столько душегубов повидали, за шкирку хватали и на Божий свет вытаскивали, что из нас слезинки за просто так не выжмешь.

– Разве тут можно петь русское-народное? – усомнился Евпсихий Алексеевич. – Место злачное, без национальных и расовых мотивов.

– Это «в лесу родилась ёлочка» – народная песня? – желчно засмеялся следователь. – Евпсихий, ты меня удивляешь – умный вроде бы мужик. Песенка это вовсе не русская, сочинила её Раиса Адамовна Гедройц в 1903 году, специально натыкала туда оскорбительных инвектив… Уж сколько поколений русских детишек выросло, распевая этот гимн вурдалаков на радость простосердечным родителям, бабушкам и дедушкам!.. Вот как можно быть взрослым человеком и не осознавать весь сатанинский смысл этой песенки?.. Ведь что получается, Евпсихий?.. А получается то, что если мы не понимаем смысла сказанного, причём самого простого, самого лежащего на поверхности, смысла, значит отупели и очерствели душами!.. Очерствели, Евпсихий, и не можем рассчитывать на благостное дуновение, что способно направить нас подальше от бесполезных прегрешений. «Русские, очнитесь! родные мои, облагоразумьтесь!» – хотелось бы мне крикнуть во весь голос, да что теперь толку.

«Спросите у него, кем и как было замечено моё исчезновение. – требовательно зашуршал голос Анны Ильиничны. – Довольно болтать про Раису Адамовну, эта болтовня вас в такие дебри увлечёт – во век не выберетесь.»

Выступление взъерошенной певички закончилось извержением слюнных желёз, отчего конферансье перепугано

схватился за голову и вызвал уборщицу, извиняясь перед публикой за непорядок, хотя, детские слёзы и недомогания могут быть понятны даже самому грубому мужлану. Уборщица сказалась больной, на минутку выскочила на сцену, чтоб продемонстрировать справку от доктора, которую конферансье вслух и зачитал. «Чёрт вас всех побери! – рявкнул он, разрывая справку в клочки. – Опять пневмония, опять требования санаторного отдыха и упоения в благоухающих садах. Я вас уволю к такой-то матери, и всем расскажу, что вы просто бездельница; любите, когда за вас другие работают. Уходите, не мозольте мне глаза!.." Тогда на сцену выползли мокрые половые тряпки и вполне самостоятельно принялись шуровать и убирать.

– Значит, Феофанов посулил Сердцеедскому выгребную яму, а тот и ухом не повёл? – обратился Евпсихий Алексеевич к следователю.

– У меня сложилось впечатление, что Сердцеедский редкостный циник, который и очутившись в выгребной яме, не принизит самооценки. Такие на многое способны, но цинизм – есть маскировка пошлой трусости, и циники редко идут на преступление.

– Если вся компания развлекалась при содействии абсолютно восторженной молодости, а Сердцеедский корчил из себя порфироносца и не принимал участия в общих забавах, то разве не должен был он первым заметить исчезновение девушки?

– По сути, должен был. – устало вздохнул следователь Крокодилов. – Возможно, что именно он первым и обратил внимание на недостаточное количество участников веселия. Но вся штука в том, что когда парни заметили долгое отсутствие девушки, они никак не связали этот факт с её окончательным исчезновением, а подумали о нелепой случайности, которую можно незамедлительно разъяснить, и этот мыслительный ход легко оправдывается излишним пьянством молодых людей. Сначала у них и Шершеньев пропадал на полчасика, а затем вернулся, как ни чём не бывало, бурча какие-то нелепые отмазки насчёт нерациональных стихий, а потом Свиристелов умахнул на железнодорожную станцию, думая, что там его поезд дожидается и не хочет без него уехать – какие только странности не взбредут в молодые головы!.. Поэтому парни посчитали, что гостья могла не исчезнуть, не сбежать с дачи, а заснуть в одной из комнат, скажем, в комнатке с громоздким диваном, на котором могли запросто поместиться и все вшестером, и даже послали кого-то проведать, не замёрзла ли девица в домике, поскольку он не слишком хорошо отапливался – кажется, функционировало всего-то парочка электрических батарей. И возможно, что они отправили на разведку Феофанова, который скоро вернулся и, пьяненько умиляясь, сообщил, что в комнатке с диваном никого нет, а поэтому девицу нужно искать на кушетке в другой комнатке, где она безусловно и прикорнула. Тогда, кажется, Головакин посетил комнатку с кушеткой,

где также не нашёл подружки, чему совершенно не удивился, а решил, что та успела перебежать в комнатку с диваном за то время, пока Феофанов докладывал приятелям про её отсутствие в комнатке с диваном. Впрочем, и на кухне имелся топчан, на котором можно было запросто прикорнуть на часок-другой.

– Но на топчане её тоже не было?

– Разумеется, не было и на топчане, тут уж Головакин вместе с Феофановым сходили на кухню, чтоб посмотреть, и никого там не увидели.

– Для меня всё это кажется очень-очень странным. Молодые парни, молодая красивая девушка – почему они не настолько волновали друг друга, чтоб неотвязно и весело носиться по огородным проталинам или безумолку щебетать, усевшись на тот же самый диван, бросая любовно-лирические наживки?

– Они и волновали друг друга, разумеется, не без этого… Свиристелов и вовсе был похож на мальчишку с гипертоксикозом, готовым пойти на трах-тибидох с кем попало. Но пойми тоже ситуацию: девушка была приглашена Шершеньевым, значит, он и имел на неё, в некоторым смысле, основные права, а если кто-нибудь другой решился бы посягнуть, то возник бы конфликт. И вот что ещё меня сразу заинтересовало: если Феофанов обыскивал комнатку с диваном, а Головакин исследовал комнатку с кушеткой, то почему на поиски девушки не бросился Шершеньев, а вместе со Сви-

ристеловым стоял как бы в стороне, даже не выказывая излишнего волнения насчёт её исчезновения, как будто бы что-то и знал?.. На мои конкретные вопросы: уединялся ли он с девушкой с целью проникновения в святая святых, Шершеньев отвечал, что не уединялся и не проникал, хотя, возможности на то имелись, поскольку девушка явно была не прочь.

«Если я и была явно не прочь, то не в тот раз. – сердито забормотал голос Анны Ильиничны. – Если молодой человек зовёт меня на шашлыки, то я и еду на шашлыки, а если он зовёт меня на свидание, то я тысячу раз подумаю, ехать ли мне на свидание, догадываясь чем всё это может кончиться.»

– Очень странно вёл себя Шершеньев – если не сказать больше. – почувствовал острую неприязнь к молодому человеку Евпсихий Алексеевич.

– Да, мне всё это тоже показалось очень-очень странным, и хоть Шершеньев был редкостный мудак, но никаких следов сексуальных утех (а по заверениям родителей, девушка была девственницей) в домике не обнаружилось. «Может быть кто-то с девушкой тогда и целовался. – рассказывал мне, кажется, Свиристелов, изо всех сил стремясь помочь следствию. – Но лично я ни с кем не целовался – это точно!»

– А что вам рассказали люди с соседних дачных участков?

– Никаких людей не было на соседних дачных участках. Зима, февраль, праздничный день – какой леший потянул бы людей на дачу??

– И когда парни сообщили в милицию о пропаже девуш-

ки? Я так догадываюсь, что не сразу?

– Нет, не сразу, сообщили на следующий день, когда убедились, что она домой не возвращалась, и никто из подруг ничего про неё не знает. Признаюсь, с сожалением, что и милиция не поспешила затеять розыскные мероприятия прямо на даче, а потянула волынку, надеясь, что девушка вернётся из Серпухова и попросит прощения за то, что заставила всех волноваться. Но через две недели начальство сбросило это дело на меня, и я приступил к розыску.

Тем временем на сцене театра очень ловко произошла смена декораций, появились огромные искристые зеркала в тяжёлых резных рамах и уютный шатёр из шёлковой ткани, подобный алькову. Некоторые тщательно начертанные детали рисунков на шёлке указывали, что пришло время показать нечто экономно-фривольное и эротичное.

– Ну-ка погоди, Евпсихий, сейчас будет самое интересное, сейчас выйдет одна девка выступать. – заегозил следователь Крокодилов. – Никакая она, конечно, не девка, да что мне теперь с того! Обучили её всяким весёлым штукам, вот она тут дурью и мается, а мне очень смешно за ней наблюдать!.. Давай-ка посмотрим.

– Ишьтыподишьты!! – проворчал Евпсихий Алексеевич.

Конферансье объявил следующий номер программы и задымил из ноздрей чем-то вроде убористой марихуаны, заполняя пространство сцены соблазнительным туманом, таящим в себе податливые желания и исполнителей этих жела-

ний. Чуть ли не с потолка на сцену свалился грациозно-комичный чёрт в белокуром парике и откровенном женском наряде, послал в зал несколько воздушных поцелуев и, жеманно потирая себе лошадиные длинные ноги, промурлыкал: *«Хорошо любить весь мир: бледноликий, слегка плоский! в складках утренних квартир и улыбок идиотских!..»* Оркестр сопровождал девичье мяуканье чёрта плавными вздохами и форшлагами, изъятыми из юношеских вальсов Штрауса, а затем, когда песня закончилась, бабахнул в трубы и ускорил плясовой ритм. Чёрт явно и рассчитывал на этакое пакостное веселье от оркестра и принялся танцевать что-то вроде чечётки, повиливая хвостатым задом на манер уличной профурсетки. Барабаны помогали чёрту бойкой кувыркающейся дробью и саркастическим звоном тарелок, неизвестный виртуоз из оркестровой ямы нахраписто лупцевал по струнам контрабаса, исполнитель на саксофоне добавлял в танцевальный номер квохчущего просторечья и аппетита. В целом получался неплохой контрапунктический эффект, музыка и танец мало кого оставляли равнодушным, и следователь Крокодилов со сдержанным восторгом прихлопывал в ладошки. Но только не Евпсихий Алексеевич.

– До чего мерзкое зрелище. – содрогнулся Евпсихий Алексеевич. – Нет у меня желания и дальше наблюдать за этим фиглярством и шутовством – правду сказать, тошнить начинает. Впрочем, позвольте ещё немножко поприсутствовать в вашей компании, чтоб наконец-то добиться хоть ка-

ких-нибудь фактов из дела Анны Ильиничны Зарницкой. Ведь не может Истина пребывать во тьме, что-то справедливое должно всплыть на свет. Там, где есть сила, там всегда найдётся ей антитеза – справедливость.

– Вот что тебе надо бы знать, Евпсихий, да теперь уже поздно. – заговорил следователь Крокодилов, так и не догадываясь, что Евпсихий Алексеевич ещё не умер, а просто заглянул в Тартарары по делам. – Надо бы знать, что любая материя распадается под воздействием солнечного света. Всё, что мы знаем о прошлом, всё, что определили и вычислили, изучая археологические артефакты – всё это благодаря тьме, всё это сохранено тьмой. И только по воле Божьей находится человек, способный достать из тьмы бумажку с начертанным в ней рисунком или словом, содержащим знание (то, что ты называешь Истиной), прочесть его и понять.

– Ну, так я и есть этот самый человек. Я намерен расследовать дело Анны Ильиничны до конца и добиться кары для виновных, а всем невиновным принести успокоение.

– Ты?? – удивился следователь Крокодилов.

– Я.

– Ты подумал, что бесконечность не виновата в том, что она бесконечность, что можно порубать её на мелкие кусочки, и каждому кусочку придать свою оригинальную форму?.. Ты развлечь себя решил расследованием дела Анны Ильиничны Зарницкой?..

– Вы можете понимать это, как развлечение, но для меня

это нечто большее, и я решительно приступил к этому делу.

– Значит, ты мне можешь торжественно пообещать, что займёшься этим проклятым делом и доведёшь его до конца, сколько бы сил и времени не пришлось на это потратить?

– Не вам первому я это обещаю, и мне это не составляет труда, поскольку испытываю заинтересованность.

– Так не смею тебя задерживать, Евпсихий, в добром порыве. Пообещай мне.

– Пообещать – что??

– Что прямо сейчас, на этом самом месте, изымаешь у меня ответственность за неразгаданное дело Анны Ильиничны Зарницкой, поскольку сам берёшься довести его до точки!!

– Ну, обещаю!!

– Торжественно обещаешь, Евпсихий?.. Без всяких жульнических уловок?

– Обещаю торжественно и без уловок.

– Вот оно как, милостивые государи! – следователь Крокодилов пришлёпнул обгоревшим свитком театральной программки по собственной голове, на которой вдруг обозначился здоровенный кроваво-пурпурный шрам, поднялся во весь рост и страстно произнёс: – Все слышали, что Евпсихий Алексеевич пообещал довести дело Анны Ильиничны Зарницкой до точки, избавив тем самым меня от сего тяжкого груза?..

Немногочисленная труппа из захудалых чертей, шишиг, анчуток и хохликов выползла гуськом на сцену.

– Я ещё раз спрашиваю: все слышали, что этот вот гражданин обязался взяться за дело четвертьвековой давности и распутать его «от и до»?..

– Все слышали. – черти взволнованно закивали головами, с явной укоризной бросая взгляды на Евпсихия Алексеевича.

– В таком случае, могу ли я считать себя избавленным от обязанности самому нести ответственность за это дело?

Черти загрустили ещё больше, переглядываясь и переминаясь с ноги на ногу.

– Я хочу добиться от вас внятного ответа, поскольку если такового не добьюсь, то буду жаловаться херувиму-надзирателю, а он с минуту на минуту должен прийти сюда… Итак, я ещё раз вас спрашиваю: могу ли я беспрепятственно покинуть Тартарары, считая себя ни в чём невиноватым перед миром живых, дабы со спокойной совестью уйти в мир блаженства и упоения?

– Чего уж теперь. Свободен ты, дядька, ловко вывернулся. – произнёс конферансье голосом, внезапно сменившимся с манерно-угодливого на пронизывающе-холодный. – Кто-то хорошо молится за тебя, дурака, на земле, его и благодари.

– Это уже моё дело, кого благодарить, а ваше дело отпустить меня с Богом из вашего поганого театра в места обетованные, я здесь задерживаться не намерен. – и следователь Крокодилов бросил свиток театральной программки под ноги, чтоб резво растоптать его и пнуть в зрительный зал, в

свалку мусора.

– Аминь. – произнесло нечто громогласное за кулисами, в воздухе хлёстко щёлкнуло, пространственные ориентиры внутри театра рассыпались и расплылись, и следователь Крокодилов мгновенно исчез.

– Вот теперь можно и выпить за упокой его души! – возвестил голос за кулисами.

Театр принял свой прежний замызганный, но пафосный вид, и артисты покладисто захихикали, ожидая беспросветной праздничной пьянки. Кто-то из шебутных музыкантов поспешил радостно вдарить по струнам, но чёрт-конферансье остерегающе приподнял руку. Он явно имел свою подленькую мысль на уме и не хотел себя сдерживать.

– Евпсихий Алексеевич, родненький. – широко раскрыв объятия, чёрт-конферансье спустился со сцены и направился к Евпсихию Алексеевичу. – Теперь от вас зависит, останемся ли мы без работы и пойдём по миру побираться, или всё-таки продолжим зарабатывать на кусок хлеба?.. Не хотите ли умереть прямо сейчас, чтоб исполнить обещанное?.. Мы это легко устроим. Делов-то.

– Как это – прямо сейчас? – вздрогнул Евпсихий Алексеевич.

– Да очень просто. Я ручонку свою просуну вам в глотку, душу вытяну – считайте, что вы и померли. Приятели к вам в квартирку ворвутся, а там всё очень прилично и красиво: гроб, бездыханное тело в гробу, умиротворение!.. Соглашай-

тесь, Евпсихий Алексеевич, вы нам здесь очень нужны!..

– Нет уж, позвольте, я удалюсь. А всё, что обещал, исполню самым надлежащим образом, но в состоянии более мне привычном и желанном. Уж позвольте.

– Оставайтесь, у нас Евпсихий!.. не кочевряжьтесь!..

Вся театральная нечисть, притягательно-паскудно улыбаясь и протягивая ручонки, принялась приближаться к Евпсихию Алексеевичу, сосредоточенно отступающему в какой-то закуток, а явственное утробное урчание медленно обволакивало театр.

«Пора давать отсюда дёру!» – испуганно шепнул голос Анны Ильиничны.

– Пора, но – как? – запаниковал Евпсихий Алексеевич. – Свистите, Анна Ильинична, да постарайтесь как можно пронзительней свистеть, мне нельзя здесь задерживаться ни на минуту!..

«Разумеется, Евпсихий Алексеевич, я сейчас… – заторопилась Анна Ильинична. – Щщщщщ… Щщщщщ…»

– Ну что же вы, Анна Ильинична?.. Разве это свист?..

«Извините, Евпсихий Алексеевич, я… я… у меня от волнения ничего не получается… Щщщщщ…»

В омерзительную когтистую клешню принялась превращаться крючковатая рука чёрта-конферансье, и Евпсихий Алексеевич, ничуть не соображая, что он делает, а отдаваясь на волю инстинкта самосохранения, сдавил ладонями глаза, представил себя – лежащего в гробу в собственной комнате,

отчаянно-живого и везучего – и резко двинул головой вперёд, как бы сшибая лбом крышку гроба!..

Вверх

…Вылетев из гроба со скоростью снаряда, брошенного усердной катапультой, Евпсихий Алексеевич распластался по стене собственной квартиры, словно кусок мягкого пластилина, и еле сдержал болезненные стоны.

– Жив!..

Очутившись на полу, Евпсихий Алексеевич придирчиво пробежался глазами по комнате, убеждаясь, что в ней не произошло никаких тревожных изменений, что гроб стоит на прежнем месте и не извлекает из своих недр обитателей мрачных миров, а крышка гроба лежит неподалёку от Евпсихия Алексеевича, ничуть не покорёжившись и не треснув.

– Из кедра, наверное, домовину делали или из бука – не пожалели родители Анны Ильиничны денег для любимой дочурки.

Затем Евпсихий Алексеевич уложил крышку на место, предварительно крикнув во внутренности гроба, что он этого дела так не оставит, что можете на него понадеяться!..

– Евпсихий сказал – Евпсихий сделает!!

Опасное поведение театральных чертей, казалось бы, могло и отвадить Евпсихия Алексеевича от дальнейших попыток посетить Тартарары, но азартное любопытство, способное многих из нас возвысить в собственных глазах на величину предметно-внешнею, вопреки внутренне-духовно-

му, заманило Евпсихия Алексеевича в свои тенета. Только что пережитый ужас, казалось бы, имел достаточно веские причины, чтоб преследовать Евпсихия Алексеевича до конца его дней, но чудесным образом устаканился. Евпсихий Алексеевич решил не поддаваться критическим оценкам начатого им предприятия и отгонял прочь мысли о возможности или невозможности счастливого конца, отгонял, словно безвредных назойливых мух. Счастье – единственная болезнь, от которой нет лекарств; и уж лучше совсем не болеть – на это мало кто решится возразить.

– Надо бы сюда ковёр повесить, чтоб в следующий раз не было больно. – сообразил Евпсихий Алексеевич, постукивая по стене пальцами, однако, не имея понятия где он такой ковёр может раздобыть. Пришлось довольствоваться тремя подушками, которые Евпсихий Алексеевич старательно приколотил к стене, вымеряя так, чтоб при следующем вылете из гроба, его голова обязательно ударилась об подушку и не сломалась.

– А теперь надо найти бабку Крокодилову и порасспросить хорошенько про это дело: пусть выкладывает всё, что знает. Вроде и тетрадь у ней должна быть с записями – следователь о чём-то таком проболтался. Фамилия у бабки редкостная – обязательно найду.

Поиск по пользователям соцсетей, проживающих в том же городе, что и Евпсихий Алексеевич, выдал однозначный результат: некто Яша Крокодилов регулярно посещал сайт зна-

комств, оставляя будничные улыбающиеся фотографии, философские эпистолы, явно собственного сочинения, и прочие заманчивые предложения, касающиеся милых дам.

Евпсихий Алексеевич в крайне дружеских и ненавязчивых словах обратился к Яше с вопросом, не родственник ли он известному в своё время следователю Крокодилову, с подвигами которого он ознакомился не так давно, перелистывая в библиотеке подшивки старых газет. Яша сразу признался, что он единственный и любимый сын того самого следователя Крокодилова, и добавил, что к сожалению папаша умер несколько лет назад и при обстоятельствах несколько пикантных. Маменька тогда с трудом купила билеты на концерт весьма знаменитых артистов, и в театре собрался весь городской бомонд, все начальники и бандиты, пользующиеся в наши диковатые времена большим почётом, так что папаша не успевал головой вертеть, тыкать пальцем и сообщать, что он «вот этого хмыря упёк на три года колонии строго режима по доносу его же дружка, а вон того гаврика хлестал по морде, когда тот пытался взятку сунуть»!.. Концерт так и не успел начаться, поскольку многоярусная хрустальная театральная люстра рухнула в зрительный зал, причём даже не сильно покалечив тех, на кого упала, кроме папаши – тому осколок хрусталя пробил голову, и папаша истёк кровью. Маменька осталась жива и, как говорится, без единой царапины, но пребывает с того времени в состоянии странном, в состоянии, способном иногда творить сюжеты

психически неустойчивые. Что, разумеется, можно понять.

– Меня тоже тогда слегка задело… – спокойно жаловался Яша, доверяя случайному знакомцу несколько рискованные рассказы из своей жизни. – Я даже в штаны наложил с испуга, и несколько последующих дней, вернее ночей, в штаны накладывал без всякого внешнего повода, я даже был уверен, что когда-нибудь у меня разорвёт кишечник от каловых масс с последующим перитонитом, и я умру. Но всё-таки не умер, и даже, в значительном смысле слова, здоров.

– Очень бы мне хотелось повидаться с вашей матушкой, отдать дань уважения и всё такое прочее. – аккуратно напрашивался на знакомство Евпсихий Алексеевич. – К тому же, есть ещё и сугубо личный интерес, поскольку из старых газет я узнал, что следователь Крокодилов вёл дело по исчезновению Анны Ильиничны Зарницкой. Я ещё в юношеские годы не мог остаться равнодушным, соприкоснувшись с этим загадочным делом, поскольку я очень отдалённый родственник этих самых Зарницких, даже не столько им родственник, сколько некоему дяде Пете из Армавира – а уж он-то натуральный родственник и приятный человек, хотя и не любитель совать нос в чужие дела, поэтому и оставил без должного внимания дело о пропавшей девушке. Я же теперь почувствовал, что не могу сохранить эту семейную тайну в покое, меня влечёт узнать хоть какие-то детали, хотя бы некоторые загвоздки, и очень жаль, что ваш папаша помер. Но разве маменька не сможет кое-что припомнить из этого шумного де-

ла, и поделиться со мной своими воспоминаниями, поскольку для меня всякая мелочь приятна и важна?

Яша поручился за свою маменьку, признался, что она всегда рада помочь хорошему человеку, особенно если речь идёт о поисках правды, и собеседники договорились о встрече. Всего-то через пару часов встреча и состоялась, Яша оказался человеком сангвинического склада, дружественным, но с непритязательными странностями. Евпсихий Алексеевич ничуть бы не удивился, если б узнал, что Яша иногда носит специальную шапочку из фольги, защищаясь от посторонних излучений. Приятели немножко посидели в кафе, пригубив недурственной водочки, а затем проследовали домой к маменьке Яши Крокодилова, которая всегда рада гостям.

– Кажется, ты говорил, что её зовут Дарья Мартыновна? – причёсываясь пятернёй у зеркала в кафе, спросил Евпсихий Алексеевич.

– Марья Антоновна!

– Ах да, Марья Антоновна, извини! разумеется, Марья Антоновна!..

Марья Антоновна и вправду оказалась женщиной весьма почтенного возраста, даже той самой «бабкой» – как выразился про неё циничный муженёк – быстренько накрыла стол с незамысловатыми угощениями и поинтересовалась, чем может быть полезна.

– Ваш муж был легендарный человек, и мне очень жаль,

что я не имел чести быть с ним знакомым. – нервно кашлянул в кулак Евпсихий Алексеевич. – Газеты писали, что он мог раскусывать как орехи те преступления, от которых напрочь отказывались маститые сыщики из областного управления. Единственное, что мешало ему продвигаться по службе, это зависть коллег по работе. К сожалению, мы все окружены завистниками, и надо иметь особое свойство цинизма, чтоб их не замечать.

– Талантлив папаша был, безмерно талантлив. – с очаровательной грустинкой заговорил Яша, пытаясь успокоить свою маменьку, слишком архаично воздымающую руки к небу и покачивающую головой в ответ на речь Евпсихия Алексеевича. – Были проблемы с субординацией и дисциплиной; папаша терпеть не мог, когда ему указывали, что делать, а что не делать, а он и сам всё прекрасно про себя знал.

– «Я пребываю в закатных лучах справедливости!» – так любил приговаривать мой незабвенный супруг и добавлял, что в этом городе, после него, из истинных слуг закона никого не останется. И оказался прав. – решительно заявила Марья Антоновна.

– Позвольте мне вон то безе. – потянулся Евпсихий Алексеевич к заманчивой сладости. – Сами пекли?

– Да ну что вы. Безешка покупная, но – хотите верьте, хотите проверьте – глаз у меня завсегда был намётанный, и в этом я мало чем уступаю своему супругу, и я легко распознаю все достоинства продукта, внимательно разглядев его

в магазине.

– Безе очаровательное – и это лучшее доказательство намётанности вашего глаза.

– Благодарю вас.

Евпсихий Алексеевич попробовал из учтивости поцеловать ручку Марьи Антоновны, но напрочь забыл, как это делается по форме этикета и какими словесными любезностями сопровождается, и чтоб не опозориться, решил пока не целовать.

– А как лихо он расследовал дело об убийстве депутата заксобрания!.. Ты помнишь, Яшенька?

Яша произнёс что-то вроде мечтательного оханья.

– Сразу обратил внимание, что во фрачном костюме убитого депутата отсутствовал носовой платочек. – Марья Антоновна выложила один за одним интеллектуальные подвиги супруга. – Сразу сообразил, что депутат, незадолго до гибели, мог выбросить носовой платочек в урну туалета, и сразу принялся обыскивать все отхожие места заксобрания. И разумеется отыскал этот носовой платочек, отметил на нём следы губной помады – которые и явились причиной тому, что платочек был выброшен – а уж по цвету губной помады отыскал среди присутствующих дам именно ту, с которой депутат безответственно целовался, а она его и убила. Кажется, каким-то ядом, подсыпанным в ликёр, но это теперь и не важно. Ведь согласитесь: дело было расследовано лихо, в два счёта!!

– Да-да, лихо… весьма лихо… – Евпсихий Алексеевич не без робости пригубил из рюмочки что-то вроде домашнего слабенького ликёра и, склонившись в сторону Марьи Антоновны, заговорил с некоторой даже строгостью и досадой: – Однако, нельзя не вспомнить и единственную неудачу следователя Крокодилова – это дело об исчезновении девушки. Я понимаю, что уже прошло четверть века с тех пор, но уверен, что вы хорошо помните это дело: некто Анна Ильинична Зарницкая, была приглашена компанией молодых людей на шашлыки на дачу, но внезапно исчезла с этой дачи и не объявилась до сих пор ни в одной возможной ипостаси. Кажется, не объявилась.

– Евпсихий Алексеевич родственник пропавшей Анне Ильиничне, потому его и заботит тот давний случай. – Яша пояснил маменьке пылкость Евпсихия Алексеевича.

– Ах вот оно что. Я всё прекрасно понимаю, примите мои глубокие соболезнования.

Марья Антоновна сообщила, что была приятельницей соседки этих самых Зарницких, знала, как близко к сердцу восприняли случившееся все, кто хоть немного был знаком с девушкой, и что сама Марья Антоновна не могла оставаться равнодушной наблюдательницей, а старалась разузнать как можно больше о ходе расследования, даже подчас надоедая своему супругу. «Ладно бы девушка была вертихвосткой и баловницей, доставляющей своим родителям сплошные неурядицы. – несколько пренебрежительным тоном про-

говорила Марья Антоновна, поскольку очень не любила *вертихвосток и баловниц*. – Но девушка была очень и очень милым созданием, держащим себя на том уровне кротости и целомудренности, на котором это было возможно в то распущенное время, а уж если говорить про время, переживаемое нами ныне, то девушка выглядела бы на его фоне сплошным очарованием. Отчего и жалко её до слёз.» К сожалению, никого из парней не удалось привлечь к уголовной ответственности, расследование застопорилось на каких-то мелочах и противоречиях в показаниях, и чем дальше по времени отодвигалось от даты исчезновения, тем больше путаницы лепетали на допросах парни, быстро переквалифицированные из подозреваемых в свидетели, пока супруг не закрыл это глухое дело – впрочем, не по своей вине, а по указанию начальства.

– «С моих слов записано верно, дата числом, подпись.» – добавила Марья Антоновна.

– Что-что? – вздрогнул Евпсихий Алексеевич.

– Это так полагается при ведении протокола допроса. – пояснил Яша. – В конце протокола допрашиваемый должен написать от руки: с моих слов записано верно, дата числом, подпись!..

– Понятно.

Тут же Марья Антоновна призналась, что у неё была тетрадь, в которую она тщательно записывала весь ход расследования, но тетрадь давно утеряна за ненадобностью, впро-

чем, обстоятельства трагедии у ней стоят, словно бы перед глазами.

– Первым делом виноват Шершеньев! – убеждённо мямлила Марья Антоновна, обрадовавшись, что её хоть кто-то внимательно слушает.

– Шершеньев?

– Да. Он не просто так пригласил девушку на дачу, а с намёком, с далеко идущей целью. Он явно рассчитывал, что в один прекрасный момент пообещает на ней жениться, а девушка и клюнет на это обещание, вступит с ним в вожделенную связь, станет ещё одним досужим именем в списке девиц, которыми можно попользоваться. Но судя по всему, девушка поняла, что Шершеньев – вместе со всей своей разгулявшейся компанией – вовсе не собирается на ней жениться, а хочет поглумиться, и она отказала ему. А уж что там дальше было на даче – никому не ведомо.

– Мама, вы, наверное, путаете. – вступил в разговор Яша, прожёвывая пищу с таким видом, словно высчитывая все присутствующие в ней канцерогены. – Это я вам вчера рассказывал про своего приятеля, про Кошёлкина, который обещал жениться на однокурснице, грозя, что будет каждый день торчать у её подъезда, пока она не согласится.

– Ну да, кажется ты мне это рассказывал про Кошёлкина. – смутилась Марья Антоновна. – И что там было дальше? Напомни мне.

– Через год однокурсница не выдержала натиска и согла-

силась выйти замуж, а когда Кошёлкин наутро проснулся в её постели, то нагло расхохотался и заявил, что передумал жениться, а однокурсница интересовала его только с целью временного глумления. И весь следующий год уже однокурсница бегала за моим приятелем Кошёлкиным и требовала, чтоб он женился на ней, поскольку настал её черёд поглумиться и родить от него ребёнка.

– Надо же какая несмышлёха. Родила?

– Нет. Не поверите, но у Кошёлкина случился гормональный сбой, и никакие глумления ему теперь недоступны.

– Да, теперь я точно вспомнила, что ты рассказывал про своего приятеля, а Шершеньев не обещал жениться на девушке, которую увёз на дачу. Хотя, мы и не можем доподлинно знать про все его обещания, он мог болтать что угодно, мог и ляпнуть мимоходом, что вся эта дача обещана ему родителями как подарок на свадьбу, а девушка могла понять это как намёк на свой счёт.

– Кстати, о даче. – Евпсихий Алексеевич обрисовал пальцем в воздухе контур домика, больше напоминающий собачью конуру. – Вы случайно не знаете, где эта дача находится?.. Может быть, вам и доводилось бывать в тех краях: мало ли знакомцев в нашем небольшом городе – вдруг у кого там и собственный уголок отдыха имеется!..

– Несколько раз и совершенно случайно я проходила мимо этой дачи, она располагается в комплексе дачных участков за посёлком силикатного завода, и надо сказать, что

местность там диковатая, хотя имеется железнодорожная станция поблизости.

– В то время там как раз закончили воздвигать новостройки и вырубать сосновый бор, но грязь местами была непролазная, арматуры торчали из земли в самых непредвиденных местах, железобетонных плит валялось полным-полно – просто ноги можно было сломать. – напомнил Яша. – А вот дачные участки до сих пор сохранились, они стоят совсем впритык к посёлку силикатного завода. Люди трудятся, выращивают овощи и фрукты – проявляют генетическую тягу к земле.

– Да-да-да… – понимающе закивал головой Евпсихий Алексеевич, поскольку ему была немного знакома местность у посёлка силикатного завода, в свои юношеские годы ему доводилось бывать и в тех краях. Не на дачах, а в самом посёлке силикатного завода – в одной из многоэтажных новостроек проживал балбес-приятель, ведший в те времена жизнь весёлую, бессмысленную и беспощадную к собственному здоровью; вот у этого приятеля и гостевал пару раз Евпсихий Алексеевич. Один раз он даже попёрся к приятелю в зимних вечерних сумерках, попёрся как раз с железнодорожной станции, зачем-то свернул с главной дороги на какую-то корявую безлюдную тропинку, и чуть было не заблудился. Впрочем, сейчас всё это вспоминать ни к чему.

– Обычный дачный домик с участком на шесть соток. – старательно припоминала Марья Антоновна. – Кажется,

имелась небольшая теплица для помидор, впрочем, не думаю, чтоб в той местности помидоры давали хоть какой-то урожай: земля совершенно не плодоносная, если только не вбухивать в неё тоннами суперфосфат и сернокислый калий… Вы сами, Евпсихий Алексеевич, не дачник случаем?

– Должно быть я обрадую вас, если скажу, что я заядлый дачник, только пока без своей дачи, но очень хочу обзавестись.

– Вы действительно меня обрадовали, и в следующий раз, когда вы соизволите посетить меня – проведать, так сказать, глупую болтливую старуху – мы обязательно поговорим о ведении приусадебного хозяйства, в проблемах которого я разбираюсь лучше всего, и способна выдавать полезные советы один за другим. Да и в консервации продуктов я мастерица.

– Обязательно. Смею вас заверить, разговор о помидорах может затянуться у нас надолго, и даже найдётся о чём поспорить.

– Лучше всего у мамы получается крыжовенное варенье. – чуть ли не облизнувшись с головы до ног, заметил Яша. – Самое вкусное, что я ел за всю свою жизнь – это кусок белого хлеба, намазанный сливочным маслом и маменькиным крыжовенным вареньем!!

– Ты известный подхалим, Яша, но очень хорошо, что любишь свою мать, и мама в долгу не останется. – смущённо просияла Марья Антоновна.

Яша столь же смущённо кивнул в сторону гостя, намекая,

что не все домашние нежности способен по достоинству оценить посторонний человек.

– Я верю в высокий профессионализм вашего супруга и оперативных сотрудников, проведших обыск на даче Шершеньева. – сказал Евпсихий Алексеевич, продвигая мыслительную работу старушки ближе к делу. – Журналисты в газетах сообщали, что никаких следов, указывающих на криминальную сторону события, на даче найдено не было, но мне кажется, что могли быть выявлены некоторые детальки – нелепые на первый взгляд, но тем не менее, запавшие в размышления следователя, и он мог поделиться с вами своими сомнениями, допустим, в такой же приятной обстановке за ужином; например, извлекая задумчиво макаронину из тарелки, произнести «что-то здесь не так, голубушка», имея в виду дачный антураж.

– Да он постоянно произносил это «что-то здесь не так голубушка», вы совершенно точно угадали его любимую присказку! – поведала Марья Антоновна. – Все две комнатки злополучной дачи и кухня были обысканы вплоть до тряпочек и проволочек, которыми в летнею пору родители Шершеньева подвязывали овощную рассаду, каждый мешок был вывернут наизнанку и вытряхнут, а служебная собака обнюхала даже выгребную яму. И всё-таки не обнаружилось ни малейшего следочка скандала или потехи, переросшей в потасовку и акт насилия, не нашлось никаких пятен крови; если девушка и была мертва – то была убита и спрятана не в

домике. Да и на дачном участке её не могли закопать, поскольку не так просто выкопать зимой яму, чтоб не осталось на снегу следов. Нет, лично я уверена, что мёртвое тело девушки находилось ни на самой даче, ни вблизи её. А вот если смотреть дальше – по окрестностям – вот там и можно было бы поискать, но заняться этим было совершенно некому.

– И никаких посторонних очевидцев не нашлось?

– Все соседние дачи оказались на то время безлюдны; их хозяева, разумеется, отыскались и допросились, и все они в тот праздничный день сидели у себя по домам, а про молодёжные гулянки на территории садоводческого товарищества ведать не ведали.

– Что же интересного рассказывали подозреваемые парни на допросах?.. Частенько ли приходилось следователю выражаться на их счёт «что-то тут не так, голубушка»?..

– Право слово, вы меня можете в краску вогнать этими «голубушками». – сказала Марья Антоновна, прикрывая ладошкой рот, расплывающийся в нежной улыбке. – Так грустно, но и одновременно светло вспоминать прожитое…

– Маменьке решительно нужно заняться написанием мемуаров, но она почему-то робеет. – сообщил Яша, явно затрагивая больную струну Марьи Антоновны, и та предпочла не заметить речи про мемуары.

– Во время допросов подозреваемые вели себя не слишком напугано, могли запросто нести околесицу не относящуюся к делу, и постоянно извинялись за то, что были пьяны

и мало чего помнят. Никто из парней не мог толком рассказать, когда заметил отсутствие девушки, и куда она могла бы отправиться. Разумеется, когда факт пропажи стал очевиден, то они бросились на поиски, и, кажется, Феофанов помчался в левую сторону от калитки, чтоб отыскать следы девушки, а Головакин помчался в правую сторону, куда дорога заводила в тупик, выбраться из которого помогла бы только лесная просека. А кто-то, кажется, Свиристелов отправился на станцию, чтоб расспросить тамошний народ о девушке несколько пьяненького состояния, но и на станции никто ничего не знал и не видел.

– А каковы ваши впечатления о личностях подозреваемых?.. Сложилось ли у вас достаточное представление об их способностях и душевных качествах?.. Кому, например, можно верить, а к кому можно было бы применить и допрос с пристрастием?..

– Каких только представлений у меня не сложилось об этой пьяной компании, но ничего хорошего сказать не могу ни про кого. Например, Головакин – неказистый тип и с задатками алкоголика: все его показания, помнится, сводились к тому, что он налил и выпил, а дальше, извините, плохо помнит. Даже про шашлыки, ради которых приятели собрались на даче, почти ничего не помнит. Говорил, что закуска градус крадёт, но уж если его приятель Феофанов взялся шашлыки жарить, то он их с удовольствием и ел, пока от этого чёртова мяса тошнить не начало. А вот сам Феофанов со-

общал, что шашлыки жарил не он, а Шершеньев, поскольку был известный мастер на это дело, и его иногда в шутку дразнили «шашлыкшерневым», а тот обещал словоблудов зарезать, замариновать и зажарить. Больше ничего полезного Феофанов сообщить не мог, и все его монологи на допросах заканчивались обещаниями прекратить баловаться и закончить институт с красным дипломом. А вот Свиристелов, например, умудрился всю линию допроса склонить на обсуждение некоторых подружек Анечки Зарницкой, с которыми, как оказалось, он был прекрасно знаком: такая-то, дескать, ничего себе фифочка, только много из себя строит, а ещё, дескать, есть одна рыженькая Юлечка – с биологического факультета – вот с ней бы он замутил с удовольствием. На разумные претензии следователя, что нельзя так потребительски относиться к женщинам, Свиристелов отвечал, что если сучка не захочет – кобель не вскочит!..

– Мда, есть такой пошловатый тип неугомонных бабников. Но некоторые девушки в них что-то находят интересное – вот ведь в чём секрет. – заметил Евпсихий Алексеевич.

Марья Антоновна призналась, что в молодости за ней пытался ухаживать один такой кобель – так она его быстренько отшила.

– Маменька придерживается тех принципов во взаимоотношении полов, которые дозволяют постоянно подпитывать взаимную любовь. – с толковостью человека, получившего хорошее воспитание, проговорил Яша. – И маменька

считает, что совсем не допустимо оскорблять женщину, ибо оскорбляя любую женщину – пускай и возмутительно легкомысленную – ты в значительной мере оскорбляешь и материнское лоно, что произвело тебя на свет.

Марья Антоновна взглянула на сына с благодарным родительским умилением, но, однако, и содержа во взгляде чуткую печаль, вызванную видимо простодушностью Яши, находящуюся едва ли не в полушаге от фееричного идиотства.

– А что вы думаете про Сердцеедского?.. – неумышленно барабаня пальцами по пустой рюмке, спросил Евпсихий Алексеевич. – Кажется, он заметно отличался из всей компании?

– Очень занятный тип. Я выпросила у муженька все до единого протоколы допросов Сердцеедского, и внимательно их изучила, как истинная мазохистка. – Марья Антоновна подмигнула Евпсихию Алексеевичу, чтоб и ему предался шутливый настрой, касающийся образа мыслей Сердцеедского. – Слог, обороты, лексика, логика, лаконичность, аргументы – всё кружилось вокруг идеи кризиса мироздания, в котором пропажа бедной девочки не является чем-то значимым, а потому и уйдёт в прошлое, которое вряд ли кому удастся растревожить. Иногда было ощущение, что это не у него, а у меня в голове морок – настолько гипнотическим свойством обладал образ его мышления, переданный даже не в личной беседе, а через бумагу, но меня пронять нелегко; думаю, вы сумели убедиться, что я женщина отчаянная

и себе на уме!!

– Да уж. – согласился Евпсихий Алексеевич.

– Помню, на какой-то совершенно невинный вопрос, он ответил фразой, не имеющей прямого отношения к вопросу, но, судя по всему, очень важной для Сердцеедского именно в тот миг, когда невинный вопрос был задан, и фраза была следующая: только в доме, наполненном собственной скорбью, ты можешь счастливо умереть… Очень странная фраза, не правда ли?

– Очень странная. А как вы думаете, что Сердцеедский имел в виду?

– Возможно, только то, что он сказал, и ничего больше, и вряд ли этот его мыслительный порыв имел отношение к гибели девушки.

– Мне это напоминает своего рода когнитивно-ассоциативную линию мышления. Ту самую линию, которая придаёт ходу сюжета особый драматизм. Я не верю, что такие вещи можно говорить спроста.

– Я вообще мало чему привыкла верить, однако, касательно этого случая, я всегда думала на Шершеньева! – кажется Марья Антоновна решилась твёрдо высказать своё подозрение, и даже не подозрение, а убеждение в виновности Шершеньева, вызванное долгими раздумьями над протоколами допросов и беседами с супругом. – Скользкий тип, замученный неудовлетворённостью собственными качествами лидера, поскольку невольно сравнивал своё поведение с поведе-

нием Сердцеедского, и убеждался, что по всем параметрам проигрывает. Ну, разве что в физической силе и красоте он явно возвышался над другими парнями, но мы же с вами понимаем, что внешними достоинствами можно успешно обмануть окружающих, но своим внутренним содержанием не обманешь ни себя ни других. Да ещё этот его приятель Свиристелов – тоже тип не из простых, насколько я могу судить; они вдвоём запросто могли бы придумать как управиться с бедной девушкой, поглумиться и придушить, этакие бесстыдники!.. К тому же я слышала краем уха некоторое время назад, что этот Свиристелов повесился… Да, не смотрите на меня так удивлённо, я почти уверена, что получила верные сведения, и Свиристелов повесился!.. А разве захочет нормальный человек просто так взять и повеситься? Он повесится, если только его совесть грызёт.

– Ну надо же, Свиристелов повесился??

– Повесился!!

– А разве он не оставил предсмертной записки?.. Самоубийцы частенько прощаются с миром в письменной форме.

– Вроде бы не оставил, но поскольку я про всё это слышала краем уха, то не могу точно утверждать, что он ничего не оставил. Если и оставил, то явно что-то пустяковое, совсем не касающиеся пропавшей девушки, иначе бы в следственном комитете переполошились, принялись бы ворошить закрытое дело, и новые данные просочились бы наружу.

– Мог бы и как-нибудь уклончиво написать, типа: «Прошу

прощения у всех, перед кем хоть в чём-то виноват, а в коечём я виноват обязательно».

– Мог бы и так уклончиво написать, а мог бы и этак: дескать, электричество горит – освещает здания! больше нечего писать – спасибо, до свидания!.. – отшутилась Марья Антоновна.

– «С моих слов записано верно, дата числом, подпись!..» – принял участие в недолгой потехе Яша.

– Вот-вот, захотел бы что-то написать – обязательно бы написал… – рассуждал Евпсихий Алексеевич, лишь для формальности улыбнувшись. – А были у него жена, дети?.. С ними что?

– Никакой жены с детьми за ним не значилось. Видать, молод ещё был, не нагулялся.

– Не нагулялся, не нагулялся… – машинально повторил Евпсихий Алексеевич. – А вот адреса всех этих парней вы никак не запомнили, уважаемая Марья Антоновна, хоть приблизительно? вот хотя бы этот Свиристелов где проживал?

– Ничего не запомнила, да и не стремилась особо запоминать, просто всё записывала в особую тетрадочку, у меня там всё было аккуратно разграфлено и запунктировано. («Как бы нам сейчас тетрадочка-то пригодилась!» – воскликнул Яша. «Очень бы пригодилась!» – вздохнул Евпсихий Алексеевич) Но я знаю, где находится дом Шершеньева, поскольку я просто случайно однажды прогуливалась мимо этого дома, и даже чуть-чуть наблюдала за самим Шершеньевым, надеясь,

что он совершит что-нибудь подозрительное, что выведет меня на нужный след, и я оставлю своего муженька в дураках! а ещё однажды я у дома Свиристелова была – это здесь неподалёку, пойдёмте на балкон, я вам его покажу. – Марья Антоновна распахнула дверцу на балкон и пригласила гостя пройти с тем подковыристым прищуром, с которым разведчик поднимается на наблюдательный пункт.

– А за Свиристеловым вы не следили?

– Свиристелов сам кого хочешь выследит – очень подозрительный взгляд имел молодой человек, я бы не решилась красться за ним в темноте. Вот, посмотрите на его дом, очень крепенькая пятиэтажка, и ещё красненькими кирпичами выложено у крыши: «1971».

– Что бы это могли быть за цифры?

– Думаю, это тот год, когда построили здание. Иногда советские строители чудили на такие темы.

– Хорошо, а где же у нас дом Шершеньева? – зябко поёживался Евпсихий Алексеевич, всматриваясь в сыроватую муть апрельского снегопада.

– В другом районе, ближе к центру города, названия улицы не помню, но, кажется, поблизости находится конечная остановка третьего трамвая – там, где он делает кольцо…

– Догадываюсь, что это за место, но трамвай там больше не ходит, Марья Антоновна!

– Как не ходит? – с ребячливой обидой всплеснула руками старушка.

– Так не ходит, сняли рельсы и вместо трамвая запустили троллейбус. Оказывается, местные жители жаловались на шум от колёс трамвая.

– Ох уж эти местные жители! – несколько с наигранной и шумной досадой рассердилась Марья Антоновна, впрочем, вполне искренне переживая за исчезновение трамвая с улиц любимого города. – Не хочешь жить рядом с трамваем – ну так переезжай в другое место, куда-нибудь туда, где нет ни малейшего шума, хоть на кладбище переезжай жить – разве кто тебя туда не пускает??

– Ну… Вот так, вот так!.. – сочувственно покачал головой Евпсихий Алексеевич.

С игривой уютностью извиняясь, что мало чем могла помочь, Марья Антоновна выпроводила гостя с балкона, поплотней захлопнула дверь, поскольку в комнату уже изрядно набралось ознобистой весенней волглости и звуковых ошмётков. Евпсихий же Алексеевич в ответ заметил, что Марья Антоновна, напротив, помогла ему очень много, и помогла в самой сути характеристик участников тех событий, что он и не рассчитывал заполучить столь важные сведения из таинственного прошлого, и теперь он надеется в своих поисках правды на благоволение судьбы. Разговор тем и кончился. С кухни был принесён реактивно клокочущий чайник с целью напоить гостя напоследок забористым напитком с примесью разнообразных луговых трав. Евпсихий Алексеевич, галантно обжигаясь и прифыркивая слегка сморкающимся носом,

выпил свою чашку до дна, похвалил напиток и поблагодарил хозяйку.

– Однако, мне пора и уходить!!

– Как?? Уже пора?? – нелепо опечалилась Марья Антоновна. – Вот вам уже и пора!..

– Что же делать, труба зовёт. – Евпсихий Алексеевич быстренько снимал, выданные ему на время гостевания, домашние тапочки, и возвращал на ноги любимые ботинки.

– Непременно жду вас снова в гости.

– Непременно зайду.

– Да и мы как-нибудь встретимся, поговорим о том о сём. – растроганно блистал выпитым удовольствием Яша.

– Буда рад. Очень буду рад.

– Прощайте, Евпсихий Алексеевич!..

Не без труда вырвавшись из дружеских объятий, Евпсихий Алексеевич вывалился за дверь гостеприимной квартиры, и помчался домой, кропотливо обдумывая всё услышанное. Гниловато-ухмыляющийся Сердцеедский, нагловатый Шершеньев, пьяненькие Головакин с Феофановым – все персонажи давней странной истории захватнически уместились в тесноватых лабиринтах мозга и даже устроили некоторую суматоху. И ещё самоубийственно зудел Свиристелов с опрятно-честным выражением лица и готовностью помочь следствию всеми фибрами плотоядной души.

– Ничего не ясно. – сказал Евпсихий Алексеевич самому себе, нервно тыкая ключом в собственную дверь. – По-

ра приступать к допросу непосредственных участников события.

Вошёл в дом и направился к гробу.

Вниз

Евпсихий Алексеевич даже не удивился той внезапно раскрывшейся лихости, с которой он был готов заново улечься в гроб, продолжить общение с Анной Ильиничной и затем пробраться в Тартарары, уже с целью конкретного разговора с кем-нибудь из участников давнишней поездки на дачу. Будучи хорошо накормленным в гостях у Марьи Антоновны, он без труда миновал соблазнительно-гудящий холодильник, приподнял крышку гроба и залез во внутрь.

На этот раз, казалось, внутри гроба было и мягче и теплей, и доставляло возможность без опаски растянуться во весь рост со сладостным возбуждением, с предвкушением остроумной опасности, к которой готов во всеоружии.

– Анна Ильинична, вы здесь? Вы сейчас можете со мной разговаривать?.. – бросил призыв наш раздразнённый искатель приключений и внимательно замер, прислушиваясь.

Сбивчивым шуршащим шёпотом закралось в голову Евпсихия Алексеевича нечто щекотливо-наэлектризованное, потыкалось мокрым носиком в закрытые двери тамошних казематов, скрывающих загустевшую чехарду извилин, нахмурилось, соображая о своей ненужности, и померкло.

– Я здесь, Евпсихий Алексеевич, я так переживала за вас. – раздался отрадный голосок Анны Ильиничны, измученной неизвестностью и ожиданием любых средств, чтоб

поскорей выплутаться из этой неизвестности.

– Спасибо, Анна Ильинична, спасибо за беспокойство. Я настолько быстро давеча убежал и не предупредил вас о задуманном, что мне решительно стыдно, и я не знаю, как у вас попросить прощения.

– Нет-нет, вы не должны у меня ничего просить, вы же не просто так убежали, а с конкретной целью, проникающей в труднодоступные обстоятельства моей жизни. Вы ради меня от меня же и убежали.

– Вот именно, Анна Ильинична, вот именно!.. Я и не догадывался, что поиск Истины может настолько захватить, что на прочие досужие действия перестаёшь обращать внимание, а то и запросто отталкиваешь их от себя, чтоб не мешали. Это, конечно, не правильно, и нельзя быть настолько эгоистичным сентиментальным болваном, но пока я взбудоражен и даже приметлив на всякую филигранную пустяковину – этим нужно пользоваться.

– Мы будем пользоваться всем, чем вы только пожелаете…И куда же вы от меня убежали, Евпсихий Алексеевич? Где вы были?

– Я посетил вдову следователя Крокодилова. Помните, следователь в своей болтовне упомянул про некую тетрадь, что вела его супруга, записывая существенные детали и личные соображения, касательно расследования вашего дела?.. Я и поспешил обнаружить эту тетрадь, чтоб внимательнейшим образом прочитать и проанализировать. Но, к сожале-

нию, тетради не нашлось.

– Тетрадь выкрали?

– Возможно и выкрали, но я не уверен. Тетрадь просто пропала за ненадобностью – в этом вдова следователя Крокодилова абсолютно уверена, и я не думаю, чтоб она специально скрывала эту тетрадь от меня. К тому же, вдова явно расположена к вашей персоне, сочувствует вашему несчастью, и всё полезное, что она могла вспомнить из нудного, даже бестолкового процесса расследования – она вспомнила и рассказала. Занятная старушонка, позволю заметить, и сынок её Яша тоже хорош. В смысле житейской занятности.

– Полагаю, что, несмотря на исчезновение тетради, вы всё-таки выяснили что-либо актуальное?

– Как сказать… Схоласты средневековья были уверены, что история устроена симметрично: всякий негативный поступок имеет свой позитивный аналог. В нашем случае, отсутствие информации об конкретных деяниях замещается важными сведениями о самих деятелях. Характеристики участников событий – это тоже существенный этап моего расследования, это своего рода психологическая функция, помогающая заранее узнавать людей, с которыми предстоит общаться и вытягивать из них сведения, способные этих самых людей и погубить. Лучше всего хватать человека за грудки, когда ты знаешь, на что он способен, что он может выкинуть в ответ: пошлёт ли по универсальному адресу без всяких экивоков или расплачется горючими слезами, облег-

чая акт покаяния.

– Горючие бы слёзы нам не помешали.

– Уж точно, что не помешали бы, но как раз на них мало надежды, Анна Ильинична. Уж больно скользкие типы все эти ваши приятели… извините, конечно, невольные приятели, но всё-таки…

– Но всё-таки, но всё-таки… да, они мне были приятелями на тот день… – грустно пролопотала Анна Ильинична. – Мне бы и хотелось, чтоб это приятельство выглядело в фигуральном смысле, но события-то были вполне конкретны.

– А вот грустить совсем не надо, Анна Ильинична! грусть расслабляет некоторые стационарные функции мозга и развивает склеротичность, а у вас и без того в голове отсутствует целый жизненный пласт – и весьма важный жизненный пласт!.. Так что, обойдёмся без грусти, постарайтесь подзаткнуть всех своих внутренних монстров. Договорились, Анна Ильинична?

– Договорились, Евпсихий Алексеевич.

– Тогда давайте-ка не откладывать дела в долгий ящик и приступать к извлечению ультразвуков. Свистите, Анна Ильинична, я нахожусь во всеоружии!..

– Вы думаете, сейчас настало самое время, и вас ничто не сдерживает из простых земных обязанностей?..

– Да что меня может сдерживать? – не без грусти улыбнулся Евпсихий Алексеевич. –Друзья мои поразбежались кто куда, работаю я в области маркетинговых исследований – а

работа, сами понимаете, не пыльная, и начальство чересчур благожелательное – я пару дней назад без труда отпросился в отпуск. Так что, не надо излишне мудрствовать насчёт моих земных обязанностей, а давайте свистеть, Анна Ильинична!..

– Тогда приготовьтесь, Евпсихий Алексеевич!

– Минуточку, Анна Ильинична, погодите минуточку!.. Есть очень важный для меня момент в наших приключениях. Скажите, вы меня можете направить на конкретного человека – то бишь на его маловразумительное состояние, пребывающие в Тартарары, или вы функционируете в этой области, как получится?

– Я могу попробовать мгновенно и интуитивно выбрать конкретную точку, направить вас туда, но там уж как получится. А с кем бы вы хотели встретиться в первую очередь?..

– Да с Шершеньевым, конечно, с кем же ещё!.. – нетерпеливо воскликнул Евпсихий Алексеевич. – Я бы его живо вывел на чистую воду!!

– Шершеньева бы желательно вывести на чистую воду.

– А я о чём!!

– Но вы знаете, Евпсихий Алексеевич, я обладаю очень скользкими и не до конца мною изученными способностями. С собой я могу позволить развлекаться как мне хочется, но вот втягивать в это дело вас… Не уверена.

– Втягивайте и не сомневайтесь!.. – с лёгкостью человека, побывавшего в таких передрягах, что вам и не снилось, разрешил Евпсихий Алексеевич. – Например, что вы можете

конкретно?

– Например, я могу выгибать чуткие мысленные спиральки в крючочки, чтоб закидывать их на знакомые образы. Признаюсь, что таким способом я развлекала себя в моменты невыносимой скуки и пробовала совершать нечто вроде наблюдений за своими покойными родственниками, и пару раз мне удалось произвести такие наблюдения – за бабушкой, например… и ещё пару раз за Львом Николаевичем Толстым (он мне не родственник, но всё же было интересно за ним понаблюдать, я вам обязательно про него расскажу, если доведётся случай)… Мне кажется, я смогу закинуть свой мысленный крючочек на конкретного человека, а затем направить к нему и вашу субстанцию, пускай это будет точка пребывания Шершеньева. Вы решительно настроены на Шершеньева?..

– Весьма решительно.

– Ну да, конечно, его необходимо первым вывести на чистую воду.

– Если на него хорошенько поднажать, то он и вину свою признает, и возможно, что покается, а тогда нам прочие путешествия и не нужны будут.

– Тогда я попробую направить вас куда-нибудь туда.

– Так чего же мы ждём?.. Вперёд!!

Голос Анны Ильиничны торжественно откашлялся, отмечая сверхъестественность предстоящих событий, и отчасти их всемирно-историческое значение, поскольку даже те, кто

впоследствии услышит о путешествиях Евпсихия Алексеевича в Тартарары и не поверит в них, даже они почувствуют некие изменения в своих представлениях о духовной космогонии. Затем Анна Ильинична легонько посвистела, на манер того, как ребятишки во дворе подзывают дружелюбную собачонку, но вот подобралась к нужной тональности, приметила в ней дырочки ультразвука, за которые его можно крепко ухватить, и решительно свистнула.

Резким рывком окунуло Евпсихия Алексеевича в состояние некомфортной возбудимости: боль, которая им овладела, была настолько пронизывающей и сумасшедшей, что, казалось, не может быть ничего в этом мире, кроме боли и мистического поклонения этой боли; но через минуту она отступила также внезапно, как и появилась. И вдруг Евпсихий Алексеевич увидел свою одинокую голову – даже без намёка на всё остальное тело – летящую зигзагами по колюче-бесцветному эфирному пространству, то испуганно суживающемуся, то расслабленно расширяющемуся. Полёт головы сопровождали искажённые бледно-искристые лики, на мгновение всплывающие из пространства и утягивающиеся прочь; лики, схожие с лицами людей, которых замучили насмерть, и потому их лица обратились в искажённые скорбью маски. Но вот из зябкого прожилистого мерцания одного из наиболее тёмных и сокровенно-зловещих ликов нарисовалась чья-то неимоверно огромная ладонь, которая догнала и прихлопнула голову Евпсихия Алексеевича, словно

неугомонного комара!..

Прежняя сумасшедшая боль взвинтилась, ухнула и вырубила Евпсихия Алексеевича от всех существующих в нём эманаций Евпсихия Алексеевича, а когда сознание вернулось, то он обнаружил себя на больничной каталке, на которой обычно перевозят тяжело больных. «Где же это я? – оклемавшись от боли, пригляделся к своим новым обстоятельствам Евпсихий Алексеевич, и не нашёл их утешительными. – А везут-то меня куда?..»

Перед ним тянулась ослепительно белая галерея, прерывисто захлёстываемая надрывным тугим звоном и мгновенно исчезающими трещинами, как будто снаружи кто-то изо всех сил лупил по стенам галереи кувалдой. С двух сторон выравнивались ряды причудливых факелов, язычки огня которых пребывали в издевательской неподвижности прожорливых иероглифов. Тележку с Евпсихием Алексеевичем подталкивали два огромных крысиноносых санитара в потрёпанных белых халатах, безнадёжно заляпанных желтизной, и с папиросками в зубах. Рядом шествовал высокий сутуловатый субъект в сверкающе-белоснежном докторском халате, из-под которого выглядывали голые ноги с коленями, вывернутыми назад; но несмотря на столь тягостный изъян, субъект шествовал уверенно, отстреливаясь от всякой кажущейся напасти зрачками прокопчённого цвета, и виртуозно поигрывая длинной тростью. Менторским тоном субъект рассказывал Евпсихию Алексеевичу о физиологических и

ментальных страданиях, которые испытывает алкоголик при белой горячке. Санитары угодливо поддакивали и подхихикивали начальнику, на Евпсихия же Алексеевича поглядывали ласково, но с требованием учитывать возможную травмоопасность, если что-то пойдёт не так.

– Где это я? – спросил Евпсихий Алексеевич, рискнув приподняться, но тут же оказался приторможён мощной ладонью одного из санитаров, с вытатуированным на костяшках пальцев именем *Уфир*.

– Подзаглохни, дядя! – услышал Евпсихий Алексеевич в свой адрес гугнивый басок другого санитара. – Лучше послушай, чему тебя умный человек научит, да на ус мотай.

– Отчего же, пускай и поговорит, ему сейчас непросто в эмоциональном плане. – разрешил сутуловатый субъект, постукивая тросточкой по темечку Евпсихия Алексеевича. – Лишь бы не шалил, а болтать у нас не запрещено.

– Где же это я? – повторил вопрос Евпсихий Алексеевич. – И вы тут кто будете?..

– Вам официально представиться или чисто по-свойски?.. Впрочем, что вам до официальных документов, если вы и самому себе не очень-то верите?

«Евпсихий Алексеевич, вы меня слышите?» – вдруг в голову нашего путешественника проник страдальческий голос Анны Ильиничны.

– А? – встрепенулся Евпсихий Алексеевич.

«Евпсихий Алексеевич, я так перетрусила за вас. – быст-

ренько зашушукала Анна Ильинична. – Ведь вы, когда в бессознательное состояние провалились, то успели крикнуть очень странную фразу: да пошла ты!.. Прямо так и крикнули неистово, а я понять не могла, мне вы это крикнули или кому другому, кого увидели в своём бессознательном?.. А может быть, мне это послышалось?.. Но я так перетрусила, Евпсихий Алексеевич, если бы вы знали… А вот с этим сутулым щёголем я не знакома, первый раз вижу.»

– Очень трудно убедить себя в нереальности того, что происходит рядом с тобой, поскольку следующим шагом может быть сомнение в реальности самого себя. – наслаждаясь переливами изворотливого ума, болтал сутуловатый субъект. – Тут не надо иметь семи пядей на лбу, хотя они, в некотором роде, и не помешают…

– Вы всё это серьёзно мне говорите? – несколько нагловато усмехнулся Евпсихий Алексеевич.

– У меня всё очень серьёзно. Я никогда никого не смешил, и в этот раз точно смешить не буду. Смех – он от народа, культура низа, тыры-пыры… А я народ не люблю.

– Да можно подумать, что вы вообще кого-нибудь любите?

– Работу свою я люблю, Евпсихий Алексеевич. Людям пользу я приношу, Евпсихий Алексеевич, а для того, чтоб людям пользу приносить, вовсе не обязательно их любить.

Галерея упёрлась в массивную железную дверь, украшенную изображением человеческой черепушки и циферками 33, выписанными с вычурной аккуратностью. Невидимая ку-

валда решительно грохнула по стене в последний раз, и разрыхлённый давящий гул удара обрушился на процессию с каталкой, но никого не ошеломил (даже чересчур взволнованного Евпсихия Алексеевича) а сердито заворчал и отполз в сторонку.

– Вам сюда. – указал сутуловатый субъект на дверь. – Если будут бить – зовите на помощь, но я посоветовал бы вам потерпеть, смириться. Ведь не убьют же, в конце-то концов, а так хоть каждый день по морде получай – вникай в социальную энтропию!..

– А если я не хочу вникать в ваши нелепые идеалы? если вы меня ни за что и ни про что лишаете права свободы? – попробовал затеять перебранку Евпсихий Алексеевич, надеясь отвлечь внимание санитаров и совершить побег. – Это получается безосновательное насилие с вашей стороны, и вам за это отвечать придётся.

– Да что вы за чепуху несёте, право слово?.. Самые несвободные люди, которых я когда-либо встречал, это те, кто громче всех кричат о свободе. Рассуждают о свободе, препарируют её со всех сторон, и даже обещают дать свободу всем-всем-всем, если вы допустите их к власти, но как только её добиваются – осуществляют свои обещания традиционно, манипулятивно.

– Вот вы бы до них и докапывались с медицинским оформлением, хоть и посмертно… Или они вам тоже чего-то пообещали, а вы уши развеселили?

– Нет, в этом плане ваши упрёки несправедливы: у нас здесь все равны. Конечно, имеются VIP палаты, но это чистая формалистика. Лекарство-то для всех одно и тоже, а от смерти ещё никто не вылечивался.

– Много вы знаете. – Евпсихий Алексеевич хотел-было напомнить про воскрешение Лазаря, но промолчал, поскольку его сутуловатый собеседник мог излишне вспылить при упоминании о библейских чудесах, и в отместку напридумывать для Евпсихия Алексеевича каверз.

– А что касается насилия… Так это как в детстве: проявление агрессии всего лишь выражает панический намёк на любовь!

– И часто вас били в детстве?

– Гм. – вот тут сутуловатый субъект обиделся и жутковато скрипнул зубами. – У меня не было детства. У меня, можно сказать, и прошлого-то не было. А вот у вас не будет будущего.

– Вы за это ответите! – слабенько пригрозил Евпсихий Алексеевич.

– Отвечу. – пообещал субъект.

– Очканул, дядя? – подмигнул Евпсихию Алексеевичу гугнивый санитар и принялся озабоченно шарить в карманах халата. – Ща тебе вставят по первое число, тут у нас не курорт… А где же ключ от палаты?

– У тебя, у кого же ещё! – принялся озабоченно принюхиваться крысиным носом *Уфир*. – Ищи давай!

– Да нету, потерял! – санитар вывернул правый карман наизнанку и указал на дырку: – Вот отсюда ключ вывалился наверняка. Что теперь делать?

– Что теперь делать… – *Уфир* поковырялся пальцем в дырке, пробуя её на дальнейшую прочность. – Кастелянше отдай зашить – она баба сноровистая.

– А ключ-то где взять? Без ключа-то мне дверь не открыть! – всхлипывающим баском посетовал санитар.

– Ты, братец, теперь будешь называться у нас «маша-растеряша». Хорошо, что у меня запасной ключ имеется.

– Поумней ничего не мог придумать? – обиделся гугнивый санитар на «машу». – Открывай давай.

Дверь с праздничным ветреным шумом распахнулась, санитары хамовато скувырнули Евпсихия Алексеевича с тележки на пол палаты и указали на ближайшую кровать:

– Располагайся!!

– Вот чёрт!! – потёр ушибленное предплечье Евпсихий Алексеевич и даже вознамерился плюнуть.

– Сам убирать за собой будешь. – предостерёг его *Уфир*. – У нас здесь слуг отменили ещё после октябрьской революции. Нравственное ущемление они, видите ли, испытывают при виде таких забулдыжек, как ты. Пьянь.

«Ничего, Евпсихий Алексеевич, поболит и перестанет. – утешал нашего невольного героя кроткий голос Анны Ильиничны. – Ничего не бойтесь, я с вами.»

Металлическая дверь покорно захлопнулась, сутуловатый

субъект каркнул что-то пустяковое, но вызвавшее астматический смех у санитаров, после чего послышались удаляющиеся шаги всех троих. Проворно вскочив на ноги, Евпсихий Алексеевич принял позу человека, который может за себя постоять, и придирчиво осмотрел палату.

В достаточно просторном и по-хорошему прохладном помещение, где очутился наш герой, пахло вкрадчивым формальдегидом и щекотным мужским потом, впрочем, всё остальное находилось в состоянии более-менее опрятном: чистые пластиковые стены с бесхитростно нарисованными опечатанными сосудами в виде амфор, кровати, застеленные свежим однотонным бельём, шесть вместительных, но негромоздких шкафчиков – по одному на каждого больного. Казалось, что все немногочисленные вещи в палате несут на себе заботу, проявляемую разумом добрым и человеколюбивым; впрочем, ножки табуреток и кроватей оказались намертво прикрученными к полу. Окон в палате не имелось, но было приветливо светло, и два необычных плафона, словно два хрупких шарика планет, удочерённых солнцем, медленно ползали друг за другом по потолку, соблюдая правила им одной известной игры. Плафоны источали ломающийся зудливый свет, подобный ленивым весенним лучикам, потирающимся об шершавый наст снега, точно влюблённая дамочка потирается щекой об щеку своего небритого кавалера.

Из скромной туалетной кабинки выглянул егозистый человечек, нетерпеливо застёгивающий пижамные штаны, и

подскочил к Евпсихию Алексеевичу, сильно прихрамывая, но словно бы и в галопе цветущей юности:

– Новенький?.. Допился, родненький?..

– Что-что? – отстранился от назойливого незнакомца Евпсихий Алексеевич.

– Ничего, это я так, просто шучу, вы здесь можете никого не опасаться. Эти-то бестии, – человечек кивнул на дверь, имея в виду санитаров. – только пугают вспышками ярости от алкоголиков, вынужденных презреть старые привычки и отдаться во власть лекарств. А люди здесь добрые собрались, люди неравнодушные к чужой беде, хотя и пришибленные жизнью.

– Лечитесь, значит?

– Ага, лечимся, перемалываем грехи прошлого в стоическое здравомыслие. Условия здесь, можно сказать, комфортные, кормят три раза в день. Только свидания с родственниками запрещены. У вас есть родственники?

– Есть!

– Придётся некоторое время поскучать. Впрочем, и скучать мы вам не дадим – коллектив у нас любопытный, даже занимательный, вызывающий сложную гамму ощущений… местный истэблишмент, так сказать… думаю, вы понимаете мою иронию, у русского пьяницы почему-то очень развито чувство сарказма… Будем знакомиться? Как вас звать-величать?

– Ну что ж, будем знакомиться. Меня звать Евпсихием

Алексеевичем.

– Очень приятно. Будем вас звать Евпсихием Алексеевичем, по имени и отчеству. А вот меня зовите просто – Головакиным! Потому что Головакин я и есть.

– Ах вот что! – не сдержал досадливого бурчания Евпсихий Алексеевич. – Вы тут получаетесь Головакин?.. не Шершеньев??

– Вовсе даже не Шершеньев, этот ваш Шершеньев помер давно… Вы к чему интересуетесь Шершеньевым?

– Я и вами интересуюсь, если вы Головакин, а не Шершеньев. Мне только убедиться надо, что вы точно Головакин. Извините, конечно, но вы человек много пьющий, уверен, что с элементами фантастического воображения… Почему вы точно уверены, что вы не Шершеньев?.. Вот что вы о себе помните, как о Головакине?.. Где жили – помните? адресочек свой не назовёте?..

– Да на кой чёрт вам знать мой адресочек?.. Да хотя, пожалуйста, вот вам и адресочек: улица маршала Блюхера, дом семь, квартира 92!.. Я всё прекрасно помню, я самый настоящий Головакин. А они тут все думают, что у меня белая горячка и держат меня здесь третий день, родственников не пускают, считают, что могут вылечить от алкоголя. Ещё и вы теперь с Шершеньевым лезете – совсем за психа меня держите. Не хорошо, Евпсихий Алексеевич.

«Это точно не Шершеньев. – убеждённо высказался голос Анны Ильиничны. – И про Головакина не врёт, посколь-

ку очень на Головакина похож – и морда неблагополучная и сильно прихрамывает – думаю, не врёт. Значит, Евпсихий Алексеевич, у меня не получилось засунуть вас к Шершеньеву, попробуйте разобраться с Головакиным!»

– Получается, что вы у нас тот самый Головакин? – спросил Евпсихий Алексеевич, энергично потирая ладошки друг об дружку, с видом знатного едока, добравшегося-таки до вкусненького.

– Да, я получаюсь тот самый Головакин. – улыбнулся по-приятельски Головакин, не погружаясь в понимание, отчего он вдруг стал «тот самый Головакин» и откуда взялся интерес к его личности. – А вот и мои сотоварищи задушевные, с которыми я провожу тяжкие времена, обживая больничные казематы. Но – не будем излишне сетовать на судьбу, на войне как на войне, как говорится, бывали и не в таких переделках, прорвёмся!.. Это вот Толик, это Стёпа с Аркашей, это Семён Семёныч… Знакомьтесь, Евпсихий Алексеевич, вам теперь от нас никуда не деться.

Семён Семёныч, удивляя неопохмелившейся экзотикой, валялся на кровати в чём мать родила и, кажется, давно хотел высказать что-либо конкретное по конкретному поводу, но всё с мыслями не мог собраться. Аркаша лузгал семечки, отправляя шелуху под матрас соседней кровати, и пытался вчитаться в какую-то потрёпанную книжонку без обложки, но с обрывком титульного листа, где красовались три строгих буквы – то ли БОГ, то ли ГОГ – и рисунок с неким оша-

лелым титулярным советником. Стёпа перекидывался с Толиком в картишки, время от времени косясь на Евпсихия Алексеевича, чтоб затем легонько потормошить Толика за плечо и, прикладывая палец к губам, намекнуть на чрезвычайную секретность, о которой ещё не пришло время поведать.

– Да я сам всё знаю. – отмахивался Толик. – Ты представляешь, какая у меня соображалка? У меня соображалка– во!!

Толик пружинисто разводил руками как можно шире и принимал вид настолько сосредоточенный, насколько он может быть у разнорабочего на стройплощадке при разгрузке блоков из шлакобетона.

– Это у нас Толик. – Головакин решил представить приятеля с наиболее яркой жизненной стороны. – Добрый малый, и пил исключительно по праздникам, плюс дни поминовения всех родственников и прочих хороших людей. Последний запой – трудно и запоем назвать в нашем понимании продолжительности действа: всего-то пару недель бухал, у сеструхи на работе кто-то из начальства помер. Вот Толик и пил, пока ему не принялись повсюду мерещиться мыши.

– Ничего мне не мерещилось. – запротестовал Толик. – Если б мерещилось, я бы на это дело плюнул с высокой колокольни и спать завалился. А тут самые обычные мыши – серые такие и с хвостами. Если б что-то такое померещилось спьяну, то хотя бы в зелёном цвете или в несуразных разме-

рах, а тут всё в натуральную величину наблюдалось и кусалось. Я даже с энциклопедией юного натуралиста сверялся: точно мыши!!

– Вот-вот, с энциклопедии всё и началось. Обучат дураков грамоте – они и радуются неизвестно чему.

Головакин рассказал, как озабоченный Толик вычитал, что мыши являются злостными разносчиками инфекций, которые неоднократно, на протяжение веков, снижали численность человечества до критических цифр, и решил положить этому конец. Толик ежедневно спускался в подвал собственного дома, где колошматил гаечным ключом по трубам и требовал, чтоб мыши убирались отсюда прочь!.. Основная фаза кризиса наступила, когда одна из мышей заявила Толику, чтоб он «тут слишком не выёживался, а у себя в горах баранами командовал», на что Толик и обиделся.

– Дедушка по материнской линии был родом с Кавказа – и откуда чёртова мышь могла про это знать? – недоумевающе насупился Толик. – Да и чистокровным русским дедушка был, он по-кавказски ни словечка не знал.

Дальше Головакин рассказал, как Толик принялся оптом закупать мышеловки, чтоб расставлять повсюду, где только могла появиться чёртова мышь, намереваясь поймать и скрутить ей башку, дабы другим не было повадно. Особенно любил закладывать мышеловки в залежи магазинных фруктов и овощей, хитроумно соображая, что глупая мышь в первую очередь кинется именно на соблазнительно-ароматный про-

дукт, именно на витаминчики. Однако попадались в цепкие мышеловки сугубо человеческие экземпляры (особенно часто попадались борзоватые тётки, из тех, что любят рыть норы в грудах осеннего картофеля, изыскивая плоды покрупней), после чего с изумлением разглядывали свои окровавленные руки с оттяпанными двумя-тремя пальцами, вызывали врачей и требовали лютой казни для виновных.

– Технические неувязки. – попробовал оправдать себя Толик. – Я же не специалист в этой области, я наивный любитель и энтузиаст. Я хотел в санэпидстанцию на работу устроиться, да в поликлинике на бронхоскопии завалился – мне же некогда было о собственном здоровье подумать.

Толика поймали, кажется, по наводке той самой чёртовой мыши, что имела тесные, а подчас и родственные, связи в городской прокуратуре; Толика приволокли в дурдом, и на все его словесные излияния о том, что он всего-навсего несёт груз социальной ответственности, отвечали, что он гнусный оппортунист, и таким, как он, не место в цивилизационном обществе.

– А разве я мог поступить иначе?.. Если сил нет смотреть, как человечество пребывает в упадке и само себя лишает будущего?.. И если у меня наблюдалась нехватка средств и внутренних дарований, чтоб помочь человечеству в глобальном порядке, то я старался помогать в мелко-частичном режиме. Причём, даже не требуя от человечества чувств глубочайшей признательности. А обвинения в оппортунизме и во-

все подлы, тут решительно не обошлось без происков чёртовой мыши, способной – как мы видим – манипулировать человеческим здравым смыслом нужным ей образом. Но должен признаться, что я устал бороться с несправедливостью и сдался. Разбабахал головой зеркало в тамошнем туалете, и теперь нахожусь вот тут.

– И тебе не стыдно, Толик, признаваться в собственной слабости? – попенял приятеля Головакин. – Надо было превозмочь себя, совладать с унынием. Пока можешь что-то делать – надо это делать так, как будто можешь всё.

– Понятно, что пока можешь, то надо. Но я вот примерно с тридцатилетнего возраста вдруг как-то резко и стремительно всё больше начал переставать мочь. А вынужденное перестроение на новый режим происходит болезненно – ты хреначишь, как раньше, не заботишься о здоровье, путаешь день с ночью, и вдруг тебя просто вырубает, и ты лежишь вот такой тупой кусок мяса со слипающимися глазами и стекловатой вместо мозга. А ещё и смрад стоит по всей квартире, как будто и не смрад, а инфернальная вонь, как будто кроме тебя в квартире ещё кто-то присутствует и за всем наблюдает – сейчас-то я догадываюсь, кто меня затянул во весь этот ужас.

– Стекловата – это к Аркаше. – подошёл Головакин к обозначенному Аркаше, который испуганно закинул себе в пасть весь кулёк семечек, не желая ни с кем делиться, и изумлённо затрепыхал. – Аркаша у нас всю жизнь потратил, до-

биваясь у себя в голове стерильной пустоты. И ведь добился-таки, можете его поздравить.

Аркаша сообразил, что сейчас его бить не будут, и взирал на создавшуюся ситуацию несколько плутовато и надменно. Впрочем, надменность эта имела вид человека, когда-то окунувшегося с головой в аллегорическую литературу, а ныне собирающего чинарики по подъездам.

– Расскажи, что ты за фортеля выкидывал, прежде чем сюда попасть?.. Представляете, Евпсихий Алексеевич, он умудрился сигареты из трёх пачек у себя во рту разместить, вкурить в себя всё это дело, а затем подняться на метр над землёй и повиснуть в воздухе наподобие энергумена. Два дня висел, ни один поп из окрестных церквей ничего сделать не мог, а здешние санитары справились.

Аркаша не без удовольствия усмехнулся.

– Как хоть это у тебя получилось?.. Что ты там ещё у себя в мозгах выскоблил предварительно, чтоб этакий триумф воли начудить?

– Думать надо меньше, и даже не посягать на то, чтобы думать о том, что тебе без пользы. – избегая эмоциональных обертонов проговорил Аркаша. – Вот водка и курение – это польза, тут есть всегда о чём подумать.

– Ну это, братец, пропаганда нездорового образа жизни – что-то вроде того.

– Пропаганда… – с издевательским сочувствием посмотрел Аркаша на Головакина. – Курение тренирует работу лё-

гочной мышцы, а водка очищает головной мозг от старых нейронов – это факт. Я чего только не пил и не курил, а если всё перечислять – столько всего необычного нагромоздится, да ещё экой-нибудь архитектурой в георгианском стиле, что изумлению конца не будет, а это уже плохо. Я только сушёный папоротник с вербеной не курил – а так даже на конский навоз посягал.

– Лишь бы на пользу, как говорится, лишь бы ребёнок не плакал. – Головакин поощрил мыслительный отдых Аркаши компанейским подзатыльничком. – А вот у нас от Семёна Семёныча пользы явно никакой. Посмотрите-ка на него – разве это состояние анабиоза достойно прозываться человеком?

Семён Семёныч несомненно соображал, насколько непотребен его внешний вид, но почему-то решил презреть все тяготы стыдливости.

– Что такое? – угрюмо зыркнул он на Головакина.

– Валяешься подобно неприкрытому куску дерьма. Другой бы кто постеснялся.

– Я перед кем угодно могу в неглиже присутствовать, поскольку я имею характер независимый! – одышливо выкобениваясь сообщил Семён Семёныч. – Я и перед Верховным Главнокомандующим на параде в пьяном виде без штанов маршировал, и мною все были довольны, между прочим!..

– Как же это ты в столь вопиющем состоянии воинскую честь отдавал?..

– В армии не честь отдают, а выполняют воинское приветствие. Честь только пьяная девка в кустах отдаёт, потому на неё воинский устав и не распространяется. А я себя ценю именно как носителя высших знаний, касающихся оборонительного характера, и никогда себя врагу в обиду не давал. Для меня начальник – это тот, кто способен начальствовать в моих интересах и интересах государственности, отправляя всё личное побоку. Я когда правду-матку рублю – вся нечисть вокруг присаживается на бутылку. Если бы я жил в сверхразвитом обществе, то занял бы министерскую должность и трудился всем на благо. Но так как судьба закинула в это дерьмо, то приходится регулярно разъяснять простые космические законы, понятные на генетическом уровне даже для животных. Да ещё приходится выслушивать всякие россказни да воспоминания от всяких быдлорашенцев, как они страну просирали. Ничего, я вот скоро отправлюсь в райские кущи, и забуду про всех вас, как про кошмарный сон.

– Чего это ты вдруг в райские кущи отправишься? – хмуро справился Головакин.

– Потому что у меня 70% гангрены в организме накоплено, и они не прекращают мучительных страданий не на единый миг. А разве подобные страдания не сотворят святошу из любого заурядного грешника?.. Да сотворят!.. Вам же не понять, как мне больно и отчаянно жутко, вы всего лишь пресловутые эгоисты. Ещё и сплю плохо вдобавок ко всему. Не высыпаюсь.

– Ты не один такой, мы тут все не высыпаемся, тут тупо кровати не правильные. – сочувственно забормотал Толик, для наглядности подпрыгнув костистым задком пару раз на собственной кровати. – Кровать должна быть ровной и однородной: желательно жёсткой, можно чуть мягче. Я дома измучился спать на раскладном диване, у которого одна часть жёсткая, а другая часть мягкая. Просто вот спишь и не понимаешь: почему тут должно быть мягко, а тут жёстко, и какие цели преследовали конструкторы дивана?.. А очень скоро спина разболелась – хоть вой. Я скоро плюнул и тупо начал спать на полу, даже несмотря на сквозняки. На полу у меня получалось иногда высыпаться за шесть или семь часов сна, и ничего не болело, спина стала как новенькая. Ты попробуй, ляг на пол.

– Попробую. – с неожиданной лёгкостью Семён Семёныч сполз с кровати на пол, пребывая в той же самой срамновато-вальяжной позе.

– Ну как? – спросил Головакин.

– Разберусь. Пока привыкаю.

– А я вот с детских лет не имел возможности хорошенько выспаться. – пожаловался Аркаша, несколько ревниво наблюдая, как всё внимание приятелей приковано к малоумию Семёна Семёныча. – Хочу проснуться вовремя – где-то в семь утра, а мамка будит в шесть: вставай надо смотреть за младшим братом!.. Иду спать рано – допустим в восемь вечера, а мамка кричит: не спи пока, надо присмотреть за бра-

том!.. Я говорю: мама, я хочу поспать. Она мне: я тоже хочу, но я устала смотреть, так что теперь ты смотри!.. И вот так год за годом, всё детство, утром и вечером я смотрю за младшим братом, чтоб с ним чего не случилось. И вот восемь лет прошло, я наконец-то с чистой совестью иду спать рано – допустим, часов в шесть с четвертью, или даже в половине седьмого, не важно – и угадайте что от меня требует мамка?.. Мне уже не надо следить за братом, но зато надо следить за сестрой, потому что у меня сестра родилась!!

– Вот тебе раз!! – гоготнул Семён Семёныч.

– Вляпался. – посочувствовал Головакин.

– Так пускай бы теперь младший брат за сестрой следил, если он вырос. – попробовал придумать выход из положения Евпсихий Алексеевич.

– Нет, брат хитрый оказался, брат помер. – вздохнул Аркаша. –Тромбофлебиты подвели.

– Мда. – озадачился Евпсихий Алексеевич.

«Со мной-то что? вы про меня не забыли, Евпсихий Алексеевич? – с размашистой тревогой застучался голос Анны Ильиничны, вынуждая Евпсихия Алексеевича невольно и аффектировано дёрнуть головой. – Мне так тяжело смотреть на этих спившихся людей, так неприятно видеть, что они не осознают всей глубины своего падения, и даже отчасти хвастаются пьяными подвигами, с параноидальной тщательностью готовы о них рассказывать. А ещё у этих людей имеются отцы с матерями – им-то каково взирать на печальные

судьбы отпрысков?.. Представляете, Евпсихий Алексеевич, а ведь и я могла бы матерью быть, и родить вот этакого пьянчужку – и какого бы мне было?..»

Евпсихий Алексеевич учительской походкой прошёлся по палате, вынуждая компанию больных внимательно за ним следить.

– Разумеется, нельзя предвидеть все каверзы, которые нам уготовила жизнь. – Евпсихий Алексеевич попробовал сделать лирическое отступление, прежде чем обрушиться с допросом на Головакина. – Мы можем и на свет появиться, не догадываясь о наследственных болячках или фамильных тайнах, готовых в любой момент раскрыться и задать жару. У кого-то с рождения и кровь слишком жидкая, и недостаток внимательности, чтоб изучать в школе классику, историю, риторику, да и простую общечеловеческую вежливость… Но нельзя совсем сбрасывать со счётов и собственную вину за непутёвый образ жизни. Если понимаешь, что в пьяном состоянии готов весь мир в бараний рог скрутить – то зачем пьёшь?.. Если созидательная сторона универсума вызывает не уважение, а раздражение – то каковы истоки этой неблагоразумности?.. Вы вот, Головакин, зачем напиваетесь до беспамятства?

– Евпсихий Алексеевич, не морализируйте, вам это не идёт. Вы здесь и сами пребываете не за трудовые подвиги. – усмехнулся Головакин. – Или не таитесь, расскажите нам про истинную цель вашего пребывания.

– Ну… – Евпсихий Алексеевич решил уклониться от объяснений, каким способом он проник в это странное заведение. Да к тому же и сутуловатый субъект наговорил в коридоре много такого, что настораживало Евпсихия Алексеевича и выставляло обратный выход из Тартарары в свете неопределённом.

– У меня несдержанность в организме и распыление морали с подросткового возраста начались, с полового созревания, можно сказать. – настороженно и с неохотой заговорил Головакин. – С огромного внутреннего неудовлетворения, которое надо было чем-нибудь подзаткнуть, а уж лучше алкоголя для этой цели ничего нету.

– Да-да-да… – согласно закивали обитатели палаты.

– Думаете, очень приятно, когда девки от тебя носы воротят?.. Хроменький, дескать, уродец!! Хочешь с ними подружиться, посидеть да поболтать, может быть даже без всякой задней мысли, а они хихикают обидно, за нормального человека тебя не считают. Любая дворовая шлёндра от меня нос воротила: дескать, с тобой и под ручку не прогуляться, ты на ровном месте спотыкаешься!..

– И Анна Ильинична нос воротила? – прищурился Евпсихий Алексеевич.

– Какая ещё Анна Ильинична? Кто такая?..

– Анна Ильинична Зарницкая. Вы и ваши приятели её на дачу увезли однажды, четверть века назад, а она с этой дачи бесследно исчезла. Разве не помните?

– А как же!! Помню Анечку!! Анечка – ещё та была красотка с закидонами!.. Разве можно тот день на даче позабыть – неприятностей после него было с вагон и маленькую тележку – хотя здорово мы тогда напились и мало чего соображали, и разумеется не сразу сообразили, что ситуация сложилась бедственная. Вы, Евпсихий Алексеевич, про дачу откуда знаете?

– Да знаю. В газетах читал, да вот вспомнил сейчас вдруг.

– Вы вот вспомнили сейчас, а я долгое время позабыть не мог. Мне эта девка пропащая, можно сказать, всю жизнь наизнанку выворотила. Я ведь, до того случая, и спичек не брал в руки без нужды, а тут мозги своротило напрочь: не могу на любой произвольный предмет смотреть без того, чтоб не начать соображать, как его лучше сжечь!.. Такие-то вот дела, Евпсихий Алексеевич.

– А причём здесь девушка?

– Да и причём и не причём – нельзя ведь предвидеть и разработать в нужном направлении ту душевную сутолоку, от которой начнёшь мучиться всю жизнь. К тому же, это одни люди будут мучиться, поскольку слабохарактерные или что-то вроде того, а другие начнут очень даже наслаждаться. Мы ведь там, на даче, не только шашлыки жарили, а ещё и костерок разожгли – для тепла и романтического настроения. Пламя огня никого из людей равнодушным не оставляет – это уж закон природы такой, а я вам ответственно заявляю, что по этому же закону природы запросто можно и с ума

свихнуться. Я вот тогда, на даче, смотрел и смотрел на костерок, смотрел, как Анечка в него дровишки подкидывает и палочкой в угольках шебуршит, чтоб ярче пылало, и в душе у меня что-то захолонуло: чую, что в сознании, близком к предсмертному страху, у меня что-то подымается жёсткое и непримиримое, что-то до приятнейшего омерзения спесивое, и оно хочет иметь свой клочок власти, да ещё такой власти, чтоб всю силу выказывала образом самым неожиданным и мгновенным. У меня с того дня страсть к пожарам выявилась. Я ведь очень быстро за поджигателя прослыл, и не без основания: чего только не горело в городе с моей лёгкой руки!.. Так ведь, Евпсихий Алексеевич, и от этого своя польза вышла: в детских заведениях, опасаясь пожаров, принялись поролон с антипиреном закупать, который не поддерживает горение; раньше сплошь и рядом обычный поролон применяли в матрасах, а пенополиуретан без антипиренов горит как порох и выделяет фосген, что для детишек крайне опасно. Можно сказать, я пользу принёс городу.

– Можно сказать про город всё что угодно, но вот если забыть про город, а на ту самую дачу вернуться, и придраться к вашим же словам, что «Анечка всю жизнь наизнанку выворотила»… Что вы имели в виду?.. – напряг всё внимание Евпсихий Алексеевич. – Не принялись ли вы тогда, под хлопотливые чары пламени, ухаживать за Аней Зарницкой, а она ваших ухаживаний не приняла, а возможно, что и оскорбила ненароком? Ведь могло такое быть?.. Могло. А могло ли та-

кое быть, что вы осерчали, схватили там какую-нибудь палку или головёшку – не знаю, что там в руки могло попасться – да и убили вдруг Анечку?..

– Я?? – искренне развеселился Головакин.

– Вы, Головакин, вы. Я же не обвиняю, я просто спрашиваю.

Аркаша с Толиком неприятно зашушукались, а Семён Семёныч заелозил на полу, собираясь приподняться и предпринять действие, очень важное для него в эту минуту.

– Да ведь он эту девку убил – Танечку! – неожиданно заревел Стёпа хриплым сопатым дискантом, выставляя околышек указательного пальца в сторону Головакина, а заодно удивляя общество интересным цветом лица, как бы сохранившим отпечаток чей-то оплеухи. – Я с Танечкой в школе учился, за одной партой сидели. Она, бедненькая, всё прижималась ко мне на переменках, так что из-за парты неловко было выйти, потому что страшно ей было: убьёт меня, говорит, этот алкаш Головакин!.. Вот он и убил.

– Какую ещё Танечку? Что ты несёшь?

– Танечку. Одноклассницу мою.

«Вроде бы и околесицу несёт очередной недолеченный хмырь, но надо Танечку запомнить и разобраться как-нибудь потом.» – подумалось Евпсихию Алексеевичу.

«Я уже запомнила, Евпсихий Алексеевич, не переживайте.» – сообщил голос Анны Ильиничны.

– Это вот у нас Стёпа, полюбуйтесь на него. – Головакин

представил хмыря, нисколько не смущаясь его голословными обвинениями, и даже ласково брюзжа. – Я про твою Танечку и знать ничего не знаю, тем более мне не было смысла её убивать.

– Как же это не было?? Ты домогался её и замуж хотел взять, а она в никакую. Вот припомни-ка, не она ли говорила тебе, что свадьбы – это досадный анахронизм?.. Говорила, можешь не отпираться. А как ты себя вёл в ответ, что ты ей отвечал?.. «Нет-нет!» – ты ей отвечал, залезая под юбку. «Мне лучше знать!» – ты ей свадебное колечко подпихивал. Вот в запальчивости и убил. Я это сразу понял, когда про Танечкину гибель услышал, только никому не сказал. А теперь молчать не намерен, теперь я при свидетелях заявляю: ты убил Танечку! теперь на тебе грех несмываемый!..

– Что за чушь ты несёшь! свадьбы, танечки, убийства!.. – немного рассерженно засмеялся Головакин. – Вот полюбуйтесь на него, Евпсихий Алексеевич, это Стёпа, и он у нас принципиальный противник свадеб, у него целая философия на этот счёт есть… Правда, Стёпа?

– Да пускай будет хоть философия, хоть что, а Танечку убил ты! – изливался Стёпа, словно колотил оппонента наотмашь, радуя наличием в зрачках маловероятного разума. – Естественно, я вопрос социального сношения полов изучал, после чего стал ярым противником свадеб и прочих брачных процессий. Поскольку свадьба, друзья мои, это всего лишь традиция, берущая начало с неразумных древних племён, ну

а если взяться рассуждать так-то в принципе, то по большей части людям этого обряда не нужно. В основном свадьбы тёлкам нужны, чтоб там фоточки в инстаграм скинуть, что бы подруги кипятком ссали, а парням оно нафик нужно. Вот Танечка тогда и удивилась, что Головакин без конца про свадьбу талдычит, потому что не парняцкое это дело – к свадьбе готовиться, семейным гнёздышком обзаводиться. Да и вообще, дорогие мои товарищи, только призадумайтесь: что же вы делаете? на что тратите кровно заработанные денежки?.. Даже если б я был миллионером, ну реально было бы впадлу на всё это деньги тратить, это ж пипец сколько всего нужно организовать: костюм, платье, помещение, программа, дедушкин геморрой… А после свадьбы ещё последствия решать: кто-то нечаянно застрелился, кто-то колёса снял с лимузина, кто-то обосрался во время тоста, короче *хз*, я б категорически запретил такие свадьбы. Я вот помню к одному другу на свадьбу собирался, и в преддверии свадьбы только и слышал вокруг от всяких других евонных друзей: «ооо, ща пожру на халяву», типа «ооо, ща побухаю на халяву», типа «приду такой нарядный и все целочки мои будут», и всякие подобные речи; а по сути всё это выглядело так, что всем было похрен на саму суть свадьбы, все только пожрать и побухать пришли. Вот и я чисто на подарок червончик скинул, типа как за вход заплатил, и всё: получай полный он-инклюзив!!

– Цинично. – вздохнул Головакин.

– Похрен.

Аркаша с Толиком промолчали, но напряжённо-виноватым выражением лиц выказывали согласие со Стёпой.

– А что это за скверная история с дачей и пропавшей девушкой? – спросил Семён Семёныч, успевший к этому времени, подняться с пола, посетить туалетную кабинку, смыть за собой и вновь улечься на пол в позе беспечного патриция. – Мы от тебя, Головакин, не отстанем, пока не расскажешь.

– Да уж, если нечего скрывать, то надо правду выкладывать такой, какая она есть!.. Или для друзей жалко интересных историй? – спросил Евпсихий Алексеевич под одобрительный гул голоса Анны Ильиничны.

– Глупая история. – немного позамявшись ответил Головакин, но смекнул, что от любопытства приятелей никуда не деться, и попробовал скомкано, с деланным равнодушием, присущим историям безвозвратного прошлого, исповедаться. – Мы тогда были молоды и озорны, и понятное дело, что весь мир лежал у наших ног. А тут однажды случилось 23 февраля, и мы решили съездить на шашлыки, чтоб отметить мужской праздник сугубо в мужской компании, потому что погода разгулялась не на шутку, весенними фимиамами запахло и настроение поплыло в русле поэтической тривиальности. Мы быстренько скинулись по деньгам – кто чего мог – и не хилая сумма собралась, можно было позволить отдохнуть размашисто, чтоб не бегать там по силикатному посёл-

ку в поисках добавки. А поехали на дачу к некоему пареньку – Шершеньеву, поскольку у него одного в то время была дача, и соответствующий инвентарь имелся – мангал да шампуры – вот он мясо для шашлыков заготовил, вина прикупил, и не спрашивая у нас разрешения, эту девицу Анечку и пригласил.

– Поблудить?

– Да не то чтобы прямо поблудить, а просто взял и пригласил. Говорил, что случайно в коридоре университета встретил: дай, думает, приглашу!.. Я не знаю, как они сговорились. Мы все у Шершеньева во дворе встретились, а за ней на машине приехали, на такси. Еле-еле все уместились. Анечка сразу на коленки Шершеньеву шлёпнулась и что-то такое весёленькое сказала, мы и не стали спорить: пускай будет и Анечка вместе с нами на даче. Не скажу, чтоб девка шебутная была, но всю дорогу нас веселила, какие-то озорные песенки пела, короче говоря, глупостями занималась. Впрочем, я к тому времени уже чуть пьяненький был, я и Феофанов из бутылки «Агдама» маленько прихлебнули – азербайджанский «Агдам» был, с содержанием сахара 8% и ёмкостью бутылки 0,7 – и мне было лень запоминать, кто кому чего говорит и кто от кого чего хочет. Я не знаю, как вам объяснить подобное душевное состояние, мне оно никогда не казалось каким-то из ряда вон выходящим, напротив, оно позволяет относиться к людям терпимей, чем они того иногда заслуживают.

– Вы словно бы заранее выгораживаете себя от подозрений в совершении преступления. – заметил Евпсихий Алексеевич.

– А было ли преступление? Вот в чём вопрос.

– Думаете, не было?

– Думаю, девица выпила свой излишек, испугалась, что сейчас парни с ней любовь мутить будут, и сбежала с дачи. А там рядом посёлок силикатного завода – там такие черти обитали в те времена, что вам и не снилось. Что им стоило пьяную деваху завалить да попользоваться всласть?.. Ничего им этого не стоило, мне и сам следователь на допросах про это говорил.

– Крокодилов?

– Что – крокодилов??

– У следователя фамилия была – Крокодилов?

– Да не помню я никаких фамилий, я в то время либо пьяненький был, либо в трансе – я мало чего помню.

– И вы весело отдыхали на той даче, играли в какую-нибудь белиберду, снежками кидались?.. Но что вы предприняли, когда заметили исчезновение Анечки? Почему не забили тревогу?

– Я бы вообще ничего не стал предпринимать, поскольку во мне уже восторжествовало то самое чувство приятного омерзения ко всем людским невзгодам, о котором я уже говорил, но вот Феофанов струхнул маленько и сказал, что надо что-то предпринять. И нам всем показалось странным,

что вот была рядом с нами девица, и тут вдруг её нет. И я пошёл искать эту Анечку в дачном домике, обещая, что буду это делать как можно тщательней, а я свои обещания привык держать. Впрочем, в домике я её не нашёл, а обнаружил в шкафу бутылку десертного вермута – наверное родители Шершеньева запрятали с лета да позабыли, ну вот я её и ополовинил втихаря – крепкий оказался вермут и сахара 16%, и после этого вермута я мало чего помнил. Кажется, Феофанов тоже в домике пошарил насколько мог тщательно, но ничего не нашёл и сказал, что надо Аньку на улице поискать, типа она не могла далеко уйти, и даже быстренько обежал вокруг домика, но никого не нашёл; только где-то по участку на снегу были видны следы Шершеньева со Свиристеловым: возможно, что они не просто так по снегу таскались, а тоже Анечку искали, и не нашли. Тогда я пошёл на большую дорогу и стал там искать. И скоро вижу, что Свиристелов возвращается по дороге со стороны железнодорожной станции и говорит, что поезда все уехали, что никто его нигде не ждёт, и никому он не нужен. Пьяненький вообщем-то был, как и все мы, потому и нёс чепуху, а я подумал, что если все поезда ушли, то Аня Зарницкая села там на какой-нибудь поезд и уехала к чертям собачьим, и искать её нет смысла абсолютно. Я говорю тогда Свиристелову: видел ты на станции Анечку? нашу Анечку Зарницкую?.. А он говорит, что ему и дела нет до нашей Анечки, что кругом пустота, и в душе его пустота, и что если Шершеньеву так хочется миловаться

с Анечкой, то пускай он за неё и отвечает перед людьми и перед законом. И ещё что-то такое говорил, но я точно не помню, чего он ещё говорил. Я помню, что я ещё тогда подумал про Свиристелова, что он сам был бы не прочь помиловаться с Анечкой, для чего и увлёк её на станцию, чтоб сесть на поезд и укатить куда-нибудь к себе домой. Но, думаю, ничего у них взаимного не вышло, на станции они поругались, и вот Анечка упорхнула на последней электричке, а Свиристелов отправился восвояси. И хотя я пьяный был, и очень туго всё это соображал, но помню, что захотел поделиться своими мыслями с Шершеньевым, и пошёл его искать, и не нашёл. Тогда я сразу подумал: а не уехал ли Шершеньев с Анечкой на последней электричке, а мы тут головы ломаем и понапрасну суетимся?.. И я тогда вернулся назад, к Свиристелову, и спросил, а видел ли он на станции Шершеньева, потому что его сейчас нет на даче?.. А Свиристелов сказал, что все загадки, касающиеся личности Шершеньева, не должны касаться его личности – Свиристелова – и если когда-нибудь что-нибудь изменится в этом вопросе, то это может быть слишком поздно. Тогда я решил спросить у Сердцеедского, что он думает на весь этот счёт, и пошёл искать Сердцеедского, и не нашёл. Это уж было возмутительно в самой решительной мере, и я готов был прямо сейчас приняться сжигать всё вокруг, чтоб привести действительность хоть в какой-нибудь порядок и ясность. Но хорошо, что подумал, что Сердцеедский ушёл ненадолго, потому что тоже

где-нибудь ищет Анечку, хотя, признаться, это вовсе не похоже на Сердцеедского, чтоб он кого-нибудь искал без особой нужды. Хотя, когда я поделился этими соображениями с Феофановым, он со мной не согласился, потому что был лучшего мнения о Сердцеедском, и сказал, что если Сердцеедский отправится кого-нибудь искать, то наверняка найдёт, и нам тогда не нужно за это дело волноваться. Что было потом, я совсем не помню, только если совсем чуть-чуть.

– Погоди капельку, я не успеваю разгадывать все ваши маршруты. – Семён Семёныч шумно поскрёб пальцами в своей затылочной части и засопел. – Получается, что все вы расползлись по окрестностям, искали Анечку и не находили, да вдобавок ещё не могли понять про самих себя, кто из вас где находится?.. Допустим, что Анечку вы искали хорошенько, хотя и не нашли, потому что искать умели и друг друга всё-таки отыскали. Но вот что интересно: кому вообще первым пришло в голову искать эту самую Анечку? кто пересчитал количество участников мероприятия и заметил, что кого-то не хватает, и зачем ему это понадобилось?..

– Вот все вы меня невнимательно слушаете, а после претензии предъявляете. А я ещё раз повторю, что нам всем сразу показалось странным отсутствие Анечки, но первым был Сердцеедский. Но он не призывал отправляться на её поиски, а просто сказал, что Анечка только что была в домике, а теперь её здесь нет. «Если, – говорит. – она в таком состоянии будет шляться где ни попадя, то нам за ней не уследить.»

И как в воду глядел: мы за ней не уследили.

– Чудная у вас компания собралась, Головакин.

– Да что в ней чудного?

– Очень чудная. Я бы вас всех пересажал для порядка, всех бы подвёл под расстрельную статью. Вот скажи, вы и в правду потащили девку на дачу, не думая, что там можно с ней перепехнуться?.. Только честно скажи, между нами, тут все свои.

– Право слово, обыкновенная компания из обыкновенных молодых людей. Если кто и мечтал перепехнуться, то только по благоволению самой девицы и по снисходительному разрешению Шершеньева. Ни того ни другого не могло быть в принципе, поскольку являлось бы откровенным непотребством.

Семён Семёныч засопел куда как унывней прежнего.

– Я вижу, ты мне не веришь, Семён Семёныч, но это говорит скорее о распущенности твоего характера. – с горькой миной произнёс Головакин.

– Да ну, брось. – осклабился Семён Семёныч. – Втащить бы тебе в хлебальник за такие слова, да рук марать не охота.

– Так я не из интеллигентов, я могу и сдачи дать.

– А ты, наивная душа, думаешь, что с интеллигентами всё очень просто? – презрительно захохотал Семён Семёныч. – Помню, служил у нас в роте интеллигент, и тогда это всем в диковинку было, поскольку дураков в армию не брали. За три месяца в быдлана перешлаковался – повторяю для особо

одарённых: за три месяца!.. Интиллегент, как и любой представитель модной субкультуры, это смесь пластилина и говна в рандомных пропорциях, деформирующаяся в сторону наименьшего сопротивления. Обучить его кулаками махать – раз плюнуть!..

– Ну, это отдельный повод для препирательств с загвоздочкой, давай мы их отложим. – ловко уклонился от скользкой темы Головакин. – Вы лучше посмотрите, что за интересная штука получается с нашей тогдашней компанией: я всех этих парней пережил, хоть и пил четверть века в запой!! Просто иногда в канавах валялся, если только не поджигал какой-нибудь ларёк, где продавщица мне пиво в долг не продавала!! Смотрите, в самом деле, что за штука: Свиристелов повесился, Сердцеедский купался и утонул, Феофанов свалился там с какой-то берёзы, что ли, и помер… Шершеньев тоже загнулся совершенно внезапно… Был человек – и нет человека.

– Как ловко у вас получилось всем помереть, прямо так друг за дружкой и отошли в мир иной. – проворчал Евпсихий Алексеевич, поддерживаемый лёгким саркастическим хохотком Анны Ильиничны. – А отчего же Шершеньев помер? Да точны ли сведения?..

– Не сомневайтесь, Шершеньев помер – я его в гробу собственными глазами наблюдал, и даже пил за упокой его души на поминках. Жена его не побрезговала мной и на поминки пригласила, а там всё достаточно гладенько прошло, закуска

отличная была – помню жирную индейку под соусом кари – а водку купили финскую, сорокоградусной крепости, стандартного объёма 0,5… Вот казалось бы: жена, семеро детей, собственный стабильный бизнес, реклама висит по всему городу в виде баннеров!.. Живи и наслаждайся!! Но вот он вывешивает у себя в офисе приказ об увольнении всех сотрудников, подаёт на развод, практически всё имущество оставляет жене, а сам переезжает жить на дачу – на ту самую дачу, где мы шашлыки жарили и веселились, а затем эту вашу Анну Ильиничну потеряли…

– Нашу?.. Не нашу, а вашу!.. – поправил Евпсихий Алексеевич.

– Если не вашу и не нашу, значит, ничью! – грубовато отшутился Головакин. – Впрочем, не в этом дело, не запутывайте меня, я вам про Шершеньева рассказываю. Который все свои дела забросил и отправился в уединение. И вот, значит, проходит месяц-другой, от него ни слуху ни духу, жена не может себе места найти от взволнованности – пускай и бывшая жена, но она же человек и имеет своё человеческое беспокойство – и вот приезжает на дачу с решимостью высказать всё, что думает о том, какой Шершеньев сволочь и эгоист, и обнаруживает бездыханное тело.

– Бездыханное? – переспросил Евпсихий Алексеевич. – В том смысле, что оно окончательно мёртвое?..

– Окончательно и бесповоротно. Приехали врачи, всё внимательно изучили, пульс пощупали и убедились в смер-

тельном исходе, хотя и не взялись разъяснить причину. Зато отправили тело в морг на дальнейшее исследование, а там уж, в морге, сообразили что к чему, и уведомили, что Шершеньев страдал воспалением сосудистой клетки на фоне тромбофлебита, которое нередко вызывает у людей внезапную смерть, вот Шершеньев и помер. А жена уверяла, что это его Бог наказал. Она хоть и не болтливая была, да ведь всего не утаишь, сколько не пожелаешь в молчанку играть; тогда, на поминках, она и проговорилась, что любил Шершеньев ручонки пораспустить, бил её и семерых детей, иногда и крепко бил, чуть ли не смертным боем. Орал, что они всю кровь из него высасывают, что он позабыл про простое человеческое счастье и чувство утешительной любви, что вокруг него одни звери… А разве можно так про людей говорить, что они звери??

– Такие человеки бывают, что хуже любого животного. – буркнул Стёпа. – Живут только для того, чтоб другим мешать жить.

– Вот-вот. – подхватил Головакин. – И мой дружок закадычный Феофанов частенько повторял, что звери гораздо лучше людей. Говорил: случись моё бытие иначе, я бы его провёл в одной стае со зверьми, чем с людьми. Хороший человек был этот Феофанов, и друг хороший, но помер по-дурацки. Вроде бы и от инфаркта помер, но по-дурацки: полез на дерево котёнка спасать, а и до середины не долез, ахнул и повалился на землю. Пришлось уж мне за котёнком лезть,

Васей назвал, шебутной кот тоже оказался, недолго у меня прожил: какого-то ребёночка во дворе поцарапал, его папаша взбеленился и удавил зверушку. Ну а я папаше машину поджёг… Все, с кем я тогда на даче был, когда мы девку потеряли, все померли, а я всех пережил, вот я какой интересный человек оказался.

«А разве Свиристелов не просто так помер, а повесился? А почему же Сердцеедский утонул? – изумлённо ахнул голос Анны Ильиничны и засвербел нервным смешочком. – Вот так номера!»

– И Свиристелов повесился зачем-то, и вот вы сказали, что Сердцеедский купался и утонул – между прочим, крайне интересная информация, если подходить с точки зрения мистического воздаяния за грехи. – задумался Евпсихий Алексеевич. – Как вы считаете, нарочно ли он утонул или под случайным давлением обстоятельств?

– А кто его знает. – пожал плечами Головакин.

– Может, осторожность не проявил, понадеялся на собственные силы, а сил и не хватило?

– Скорей всего так.

– Ногой за корягу зацепился, а там и захлебнулся?

– Это проще простого. Я вот, например, даже пьяным не полезу в пруд с корягами, а вот что у других людей на уме – отвечать не собираюсь.

– Осторожность нужна во всём. – встрял в беседу Толик, уведомительно постукивая кулаком в грудь. – Я вот когда

на электромонтёра учился, то старшие товарищи говорили, что если линия свыше 110 000 Вольт, то обязательно надо, чтобы на носках дырок не было. Любая ткань, представляете себе, это отличный диэлектрик, тем более синтетика. А так если дырка на пятке, то разряд электричества из пятки дует прямо в землю со смертельным исходом. Короче, чем выше напряжение, тем целее носки должны быть, чтобы пробоя не было.

Аркаша и Стёпа насмешливо фыркнули, чем выставили напоказ своё неуважение к людям опасных профессий. Впрочем, и сам Толик фыркнул куда как охальнически, и даже принялся тыкать пальцем в пол, напоминая, что именно снизу нас поджидают опасности куда страшней, чем сверху.

– Ну вот что вы за паршивцы собрались: услышите какую-нибудь глупость и ржёте, словно лошади!! – тревожно загудел Семён Семёныч. – Тошно мне от вас становится, на душе тошно и за себя стыдно, что вынужден всё это выслушивать и терпеть. Я вот теперь мечтаю, как тот бедолага Шершеньев, уйти от вас в уединение личной культуры, и прозябать там до скончания веков. Потому что тошно от вас!!

– Ты же в райские кущи давеча собирался? – поёрничал Головакин.

– Да хоть к чёрту на кулички, лишь бы без вас!..

Семён Семёныч попробовал встать с пола и забраться на кровать, чтоб наконец-то укутаться в одеяло поплотней и

отключиться от внешнего мира с его назойливыми упадничеством и смердяковщиной, но тревожно чертыхнулся, выпучил изумлённые глаза и затрясся в мелких конвульсиях. «Опять дядьке плохо!» – недовольно пробубнили Толик со Стёпой, а Аркаша поспешил забарабанить в дверь, вызывая врача. Буквально в этот же миг – словно бы они только того и ждали – в палату ворвались крысиноносые санитары во главе с тем самым сутуловатым субъектом, что в больничной галерее имел неприятный разговор с Евпсихием Алексеевичем.

– Ну что тут у вас опять? чего буяните? – загундосили санитары, изготовляясь навести порядок в доверенном им помещении, чего бы того не стоило.

– Семёну Семёнычу тут у нас плохо; даже, говорит, намерен навеки отойти в состояние личной культуры. – пожаловался Головакин, указывая на затихающего Семёна Семёныча, болезнь которого – судя по всему – излечивалась от одного вида медперсонала. – Вы бы укольчик ему какой вкололи, таблетку полезную дали, галоперидол… Всё же вам деньги государство не просто так платит, а чтоб вы о нас заботились.

– Деньги, полагаете, нам государство платит? – издевательски улыбнулся сутуловатый субъект.

– Так а кто же ещё? Больше некому за нас деньги платить.

– Очень хорошо… А государству с вас всех какая выгода имеется, чтоб беспокоиться и деньги платить?.. Ну-ка подумайте, что на это можно сказать. Только хорошенько подумайте, не надо резких заявлений.

– Если забота наличествует, значит, есть у этой заботы какая-то цель. Социальная ответственность – тоже, знаете ли, не пустые слова, и власть должна отчитываться перед избирателями за свои действия.

– Перед избирателями? – физиономия сутуловатого субъекта приняла окончательно саркастический вид. – Отчитываться?..

– Ну да.

– Напрасно вы с этими сволочами разговариваете. – тяжело пробормотал Семён Семёныч, имея самый неутешительный опыт дискуссий и медицинских разногласий. – Для них человеческая жизнь состоит из физиологических мелочёвок, некоторые из которых можно выбросить за ненадобностью, а некоторые – типа почек, селезёнок и прочих полезных ископаемых – можно вырезать и продать подороже.

– Нешто все кругом жулики? – прошептал тревожно Толик.

– У меня гангрены 70%, я страдаю ежеминутно – а им всё по барабану. Конечно, жулики, кто же ещё.

– Мама, роди меня обратно! – ахнул Толик.

Санитары возбуждённо заурчали, как будто давненько не занимались медицинской профилактикой, а заняться бы очень хотелось.

– Подобные желания гораздо легче и чаще выполняются чем вам кажется. – сообщил сутуловатый субъект ошалелому Толику, весело поигрывая тросточкой. – Но лично вас

они уже не должны волновать. Вас уже никто никогда не родит.

– Чего это?

– Да кому вы нужны, чтоб вас заново рожать? Вы не человек – вы своего рода непредвиденная случайность, пустячок. Возможно, вы по-настоящему никогда человеком и не были.

– С говном меня смешать хотите? – проворчал Толик. – Лишаете элементарного уважения.

– Да вас хоть с чем смешивай, выйдет всё одно: Толик!!

От возмущения у Толика отвисла челюсть, а бугорки на лбу принялись собираться в кучку, что изобличало чрезвычайную работу ума и закипание ненависти с далеко идущими последствиями.

– А я так думаю, что тот, кто не уважает своё окружение, свою работу и обязанности перед другими, тот и себя не может уважать. – процедил Головакин. – Отсюда и попытки создать конфликт на пустом месте, когда всего-то требуется дать больному человеку таблетку.

– Вы, Головакин, не философ, вы просто пьяница с завышенной самооценкой и дурацкими подвигами в сфере поджогов общественного и личного имущества. Не вам нас учить.

– А чего его жалеть-то?.. личное имущество… Всё одно придётся всем гореть. Очень скоро, сразу всем и всему.

– Ещё отмечу и склонность к дурацким пророчествам. – пристукнул по полу тростью сутуловатый субъект, выражая

свой восторг. – Кто и где будет гореть, Головакин?.. Вы почём знаете инвективы будущего?

– Я-то знаю, а вот вы зря не верите апокалиптическим календарям; вот хотя бы у индейцев майя были отличные календари. – сердито всматриваясь в обидчика, высказывался Головакин. – Они предупреждали о конце света, давно предупреждали: и вот в декабре 2012-го года Земля слетела-таки со своей оси и теперь летит в удручающем направлении вместе с Луной, Марсом и прочей космической дребеденью, и летит прямёхонько в Тартарары!.. Так что недолго вам осталось над нами издеваться, скоро всем кирдык настанет.

– Куда, простите?.. Куда, вы сказали, летит Земля?.. – с поразительной ловкостью покрутив тростью вокруг головы и легонько пристукнув себе по темечку, вопросил сутуловатый субъект.

– Да в Тартарары летит, куда ещё!..

– А вы, Головакин, что сейчас о себе воображаете?.. Вы разве не догадываетесь, где находитесь и что с вами случилось?

– Да в больнице я. Где мне ещё находиться?

– В какой ещё больнице, Головакин?.. Ну, скажите, отчего вас можно вылечить??

– Да от алкоголизма меня можно вылечить. Только вы зря стараетесь – меня вылечить не так уж просто, я весьма упрямый экспонат. Типа нержавеющей легированной стали высокой твёрдости.

– Да никто вас здесь не собирается лечить, окститесь. Вы умерли, Головакин. Вы окочурились без всяких надежд на спасение, и попали в те самые Тартарары, про которые нам здесь талдычите.

Головакин с натянутым изумлением огляделся по сторонам:

– Кто умер?

– Вы. Один мой знакомый и на похоронах ваших успел побывать: всё, говорит, прошло чинно и благородно, кроме матушки с батюшкой, посчитай, никого и не было.

– Да как же?? Три дня назад с приятелями День Космонавтики отмечал!.. Или четыре дня назад?.. Приятели-то мои – Саввушка да Егорушка – вы у них-то спросите, разве я мог умереть?..

– Ваши приятели и вызвали машину «скорой помощи», вы прямо за столом и загнулись, Головакин. В правой руке стопку держали. Пустую.

– Да как же так?? – выказывал непомерное недоумение Головакин. – Егорушка обещал что-то вроде межрёберной невралгии устроить – так от этого не помирают??

– Обещал, да не успел.

– И Саввушка намеревался на баяне «Амурские Волны» сыграть… Неужели не сыграл??

– Тогда не сыграл, уж вы извините Саввушку, ему тогда не до баяна было; но ещё не раз сыграет – какие его годы – только вам услышать его игру не дано!! Вы померли, Голо-

вакин!!

– А-а-а… Так кто же вы такие теперь получаетесь?? – Головакин принялся столь стремительно вращать взлохмаченной башкой по сторонам и прицельно стрелять глазами по окружающим, что всякому стал понятен неутешительный конец всей этой истории. – Так вы тут все теперь черти получаетесь!..

– Ну черти, ну и что такого? – маленько струхнули санитары и попробовали утешить больного. – Раньше, что ли, никогда чертей не видел?..

– Тогда держитесь!!! – с неправдоподобной быстротой Головакин подлетел к своей кровати, засунул руку под подушку и вытянул пакетик, содержащий жёванный спичечный коробок, небольшой пластмассовый приборчик, извазюканный в растворе зелёнки и напоминающий осциллограф, и литровый флакон с соблазнительно бултыхающейся прозрачной жидкостью. – Всё, что я раньше видел, меня в данный момент не интересует, я готов отвечать за себя здесь и сейчас. И если кто-то решил на меня чертей наслать, полагая, что я отнесусь к этому происшествию спокойно и даже возможно с величайшей признательностью, то он глубоко ошибается в Головакине. Вот что Головакин предпримет в таком случае. Я вас всех спалю нахрен, сожгу до тла, пепел развею по ветру, а когда очнусь, то обнаружу себя дома, на родном диване перед телевизором, и никто у меня больше не умрёт!! С вами, чертями, иначе не договоришься.

– Что за дрянь у тебя в руках? ты откуда её взял? – забеспокоился сутуловатый субъект.

– Спирт это у меня во флаконе, самый что ни на есть чистый медицинский спирт – своровал я его у кастелянши, когда она для меня больничную пижаму выбирала. И спички вон его. – Головакин ткнул пальцем в обомлевшего санитара. – Он их из кармана дырявого оборонил, а я подобрал – как думал, что пригодятся, а вот и пригодились!..

– А осциллограф зачем спёр?

– Там стрелка прикольно мечется, мне нравится. Для забавы спёр.

– Отдай по-хорошему. Не балуйся.

– Держи!!

Осциллограф полетел в лоб сутуловатому, а сам Головакин резким движением натренированной руки поджигателя, ухватился за кончик простыни и стащил её целиком с кровати, после чего тщательно окропил спиртом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.